

18+

Удары моего сердца

*«Сначала я хотела
его убить.
Потом — спасти.
А теперь не знаю,
как без него жить»*

*«Я не имел права её
любить, теперь я облажался
по полной. Снова.»*

18+

АННА АЙРИС

Анна Айрис

Удары моего сердца

<https://litres.ru/74578448>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире большой хирургии нет места слабостям. Лили пришла в ординатуру с одной целью — стать блестящим врачом, не отвлекаясь на чувства. Но встреча с Джеймсом перечёркивает все планы.

Он — старший коллега с идеальной техникой в операционной и изломанной душой. Человек, живущий в тени давней вины и запретивший себе любить. Между ними вспыхивает опасное влечение, разрушающее дистанцию и покой. Джеймс боится разрушить её будущее, а Лили отчаянно верит, что её тепла хватит, чтобы вернуть его к жизни.

Но что окажется сильнее: призраки его прошлого или шанс на спасение?

Два хирурга. Одна стертая граница. И прошлое, которое не дает права на любовь.

Содержание

Глава	4
Посвящается всем тем, кто ощущал себя сломленным. И тем, кто смог найти свой покой. Я горжусь вами!	5
Глава 1 Лили	6
Глава 2 Лили	13
Глава 3 Лили	30
Глава 4 Джеймс	47
Глава 5 Лили	59
Глава 6 Лили	63
Глава 7 Джеймс	82
Глава 8 Лили	98
Глава 9 Джеймс	112
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Анна Айрис
Удары моего сердца

Глава

**Посвящается всем тем, кто
ощущал себя сломленным.
И тем, кто смог найти свой
покой. Я горжусь вами!**

Список триггеров: подробное описание медицинских манипуляций и операций, травмы, онкологические болезни, столкновение со смертью и потерями близких. Если для вас это допустимо то добро пожаловать в мою историю. Приятного чтения!

Глава 1 Лили

Никто не хочет думать о том, что его жизнь окажется заурядной. Мы становимся врачами полные грандиозных ожиданий: операций, которые нам удастся провести; людей, которым мы подарим здоровье; открытий, которые сдвинут науку с мёртвой точки. Мы представляем себя великими – и если действительность не оправдывает наших надежд, мы ощущаем себя обделённым.

Но иногда ожидания меркнут перед неожиданностью. Иногда случаются события, в разы превышающие наши самые смелые мечты. И тогда мы задаёмся вопросом: зачем так цеплялись за свои прогнозы и планы? Ведь именно ожидания придают нам опору, создают иллюзию контроля над будущим, заставляют выживать и стоять наготове.

Ожидания – это только отправной пункт. Они задают направление, придают устойчивость нашим эмоциям и мыслям. Но изменить жизнь может лишь то, чего мы не смогли бы предугадать: неожиданный поворот, спонтанное решение или случайная встреча.

Только столкнувшись с непредвиденным, мы выходим за рамки привычного и узнаём, на что действительно способны. Тогда понятие «заурядность» уходит на второй план, а жизнь обретает настоящий вкус.

Пять часов в операционной пролетели как одно мгнове-

ние. Я смотрела на монитор, все еще не веря, что аортальный клапан наконец заменен, но нервное напряжение по-прежнему сжимали виски.

— Отличная работа, доктор Рид, — бодро отозвалась Грейс Пирс.

Я оторвала взгляд от карты пациента и, болезненно поморщившись от усталости, перевела глаза на Грейс. Доктор Пирс — старший ординатор хирургического блока больницы университета Раш. На мой вкус, она была полновата, хотя при росте чуть больше пяти футов и пары дюймов¹ это не слишком бросалось в глаза. Впрочем, она возвышалась над мной не только по карьерной лестнице, но и в буквальном смысле, что порядком раздражало.

— Да, спасибо, мы отлично поработали, — выдавила я, потирая переносицу. Спину ломило, а глаза горели от ярких ламп в операционной.

— Закончи с картой, проверь моих пациентов и заполни сегодняшние записи, — бросила она, уже отходя от стойки. — У меня через полчаса удаление желчного, хочу успеть перекусить. И да, ты assistiруешь.

— Ну конечно, уже бегу... — пробурчала я себе под нос. Не то чтобы я жаловалась, но усталость была просто нечеловеческой. Я провела на ногах почти сутки, а мой желудок, не видевший еды последние восемь часов, жалобно урчал.

Закончив с протоколом операции, решила быстро обой-

¹ около 158 см

ти оставшихся пациентов, зашла в ординаторскую и бросила взгляд на часы. Семь минут до следующей операции. Я плеснула в лицо ледяной водой, пытаюсь хоть немного взбодриться. Вытеревшись бумажным полотенцем, взглянула на себя в зеркало. На меня смотрела бледная незнакомка с уставшими зелеными глазами, под которыми залегли темные тени. Кожа, давно не видела солнца и приобрела тусклый, почти восковой оттенок. Лишь операционные лампы давали мне энтузиазм и адреналин каждый раз, когда входила в стерильную зону. Я пригладила растрепанные каштановые волосы и запрокинула голову несколько раз провела рукой по затекшейшее, прикрывая уставшие глаза. Еще немного, и я окажусь в постели и отключусь, едва коснувшись подушки.

Да, работа ординатора в крупной больнице Чикаго требовала жертв. Попасть сюда невероятно сложно, но упорный труд, несправедливость, унижения и дедовщина встречались всем, кто хотел стать хирургом.

Вырезка с фотографией этой больницы висела над моим столом с тех самых пор, как я поняла, что хочу посвятить себя медицине. Моя семья не относилась к какой-то врачебной династии, а была самой обычной, среди тех, которые меня окружали, где замороженная лазанья по воскресеньям казалась праздником, а отсутствие запаха алкоголя в воздухе — сродни визиту Санта-Клауса. У меня был выбор, и я не хотела прожить свою жизнь впустую, разнося прогорклый кофе в дешевой придорожной забегаловке.

Помню, как-то теплой весной, после очередной ссоры с матерью, когда мне было шестнадцать лет, я выбежала из дома. Воздух был напоен сладким ароматом цветущих деревьев. Я рухнула прямо на траву и поняла: так больше продолжаться не может. Весь мой прошлый опыт, все ошибки, решения, которых я стыдилась, — ничто не должно было заглушить мой энтузиазм и жажду большего.

В выпускном классе решение пришло само собой — легко и быстро. Казалось бы, такой трудный путь, требующий колоссальных сил и здоровья. Но я всегда принимала судьбоносные решения на удивление просто и ни разу не пожалела о своем выборе.

Мимолетные срывы и слезы я за серьезные колебания не считала. Они случались у всех, даже у самых сильных из нас. Главное — это результат: спасенная жизнь, пришитая рука, удаленная опухоль. А еще — глаза людей. Да, глаза — в них всегда было что-то особенное для каждого из нас.

— Эй, красотка! — бодро отозвался знакомый голос. — Вид у тебя, конечно, потрёпанный. Когда уже смена закончится? — в ординаторскую вихрем влетела Эмили Ланг. Моя лучшая подруга, коллега и рыжая бестия, которая, казалось, не знала усталости и была готова работать 24/7. Я ей страшно завидовала.

— После удаления желчного наконец-то отправлюсь домой, — ответила я, все еще не открывая глаз.

— Правда? — удивленно пролепетала Эмили. — а я хо-

тела позвать тебя в бар «Рэдж» сегодня вечером. Алекс представляется за свою первую самостоятельную операцию. Но если ты совсем без сил, можем сходить в другой раз.

Я открыла глаза и повернулась к ней. Подруга лучезарно улыбалась — я-то знала, что Алекс ей нравится, хоть она в этом и не признавалась. Эмили выглядела сногшибательно, не то что я... Немного выше, с идеальной фигурой и грудью третьего размера, она притягивала взгляды всех мужчин. Ее аккуратно уложенные рыжие волосы с золотистым отливом ниспадали на плечи, а глаза цвета темного шоколада гармонично завершали образ.

— Ладно, — не твердо произнесла я, обходя Эмили. — Но ненадолго, с ног валюсь. Гаргулья Пирс в очередной раз свалила на меня свою работу. — Я перевела взгляд на настенные часы и поняла, что опаздываю. — До вечера, детка! — крикнула, уже выходя из ординаторской и почти бегом направилась к операционной номер три.

Мне нравилась эта больница. Светлый ремонт, бежевый линолеум, картины и живые цветы на стенах создавали обманчивое ощущение спокойствия. А автоматы с закусками не раз спасали молодых докторов во время суточных дежурств.

В больнице, когда ты на смене, никто не ходит пешком — все передвигаются полубегом. Ты либо опаздываешь, либо тебя экстренно вызвали в приемный покой.

Покой... Ироничное название. Как по мне, там всегда ца-

рил хаос: ординаторы шпыняли интернов, заставляя их заниматься бумажной работой, а сами дрались между собой за самый интересный и кровавый случай, чтобы выслужиться перед начальством. Пробежав очередной холл, я ворвалась в операционную, на ходу надела маску и шапочку. Пирс уже стояла у стола с таким возмущенным видом, на какой была способна только она.

Я начала тщательно, до локтей, мыть руки, трижды обрабатывая их с мылом, внимательно следя, чтобы не коснуться краев раковины. Затем антисептик. Войдя в операционную, я глазами нашла медсестру, которая помогла мне облачиться в стерильный халат и перчатки.

— Опаздываете, доктор Рид. Начинаю жалеть, что похвалила вас, — процедила доктор Пирс, не удостоив меня взглядом.

— Прошу прощения, — так же тихо ответила я и встала к столу. В моих руках уже был троакар с камерой, и мир снова сузился до границ операционного поля.

К счастью, операция прошла довольно быстро. Наложив последний шов, я поблагодарила всю команду и встретилась взглядом с анестезиологом.

— Лили, ты молодец, не позволяй доктору Пирс заставить тебя сомневаться в себе, — с улыбкой сказал Адамсон, врач лет шестидесяти пяти. Очень добрый и милый мужчина, худощавый, с небольшой лысиной, скрытой под шапочкой. — Надеюсь, ты уже уходишь?

— Да, убегаю. Обещала Эмили отпраздновать с ними операцию Алекса. Говорят, все прошло успешно, — ответила я, снимая халат.

— О да, он был хорош. Хотя эта его смазливая улыбочка, конечно... — покачивая головой, протянул доктор.

— Ох, не преувеличивайте, доктор Адамсон, он вам никогда не нравился, — усмехнулась я.

— Это точно. Желаю хорошо провести время, Лили, — сказал он, начиная выводить пациентку из наркоза.

Как только я вышла из операционной, накопленная за последние 36 часов усталость навалилась всем своим весом. Спешить было уже некуда, и я медленно побрела по коридору. Достав телефон, увидела пропущенный от Эмили и сообщение:

«Мы уже убежали, ждем тебя в „Рэдже“! хх»

Перезванивать не было смысла. Эмили наверняка уже всю строит глазки Алексу. Я усмехнулась своим мыслям. Что ж, есть несколько минут, чтобы привести себя в порядок и отправиться в бар.

Глава 2 Лили

Сбросив хирургический костюм, я ощутила, как меняется настроение. Словно это не просто униформа, а защитный плащ, наделяющий сверхспособностями. И, пожалуй, так оно и есть: в операционной мозг работает на пределе возможностей, требуя предельной концентрации.

Бросив мимолетный взгляд в зеркало, я поправила легкую светлую блузку, синие джинсы и кеды смотрелись достаточно опрятно даже после долгой смены. Я распустила волосы и сделала пару пшиков любимого парфюма, чтобы перебить въевшийся запах антисептика и усталости, после чего поспешила к выходу.

Я обожала Чикаго. Его ярко выраженные сезоны, его чистоту. Город, где вечное движение парадоксально сочеталось с возможностью найти уединение. Здесь было легко потеряться в толпе, но еще легче — обрести себя.

Выйдя из клиники, я по традиции глубоко вдохнула. Запах поздней весны, влажного после недавнего дождя асфальта и свежескошенной травы — этот коктейль бодрил и расслаблял одновременно. Это место — полная противоположность моей малой родины. Я родом из Хоумтауна, крошечного зеленого городка в округе Кук, штат Иллинойс, с населением чуть больше четырех тысяч человек.

Хоумтаун всегда был для меня скорее большим общим

домом, в то время как свой собственный, я все еще искала. С юности я мечтала вырваться оттуда, познать свои возможности и заявить о себе. Сбежать из мира, где каждая собака на улице тебя знает. Большинство моих одноклассников давно обзавелись семьями, трудились на фермах или в местном баре. Так или иначе, это была жизнь не для меня. Бабушка, Тесси, — единственная верила в мои мечты.

Я перешла дорогу и оказалась у бара «Рэдж». На тротуаре перед ним в трещинах асфальта пробивались к свету мелкие голубые цветочки. Это место было популярно среди медиков, забегавших пропустить стаканчик-другой после смены, и случайных посетителей, которые переживали здесь плохие новости или топили в виски свое горе. Владельцы, Тим и Майк, были приятными ребятами. За годы работы они, кажется, выучили столько медицинских терминов, что могли дать фору любому из нас, хоть и безбожно их коверкали.

Слегка отдышавшись, я подняла взгляд на вывеску — красные неоновые трубки в желтой оправе, которую совсем недавно заменили. Уже смеркалось. Прохладный порыв ветра взъерошил мне волосы — чертовски приятное ощущение.

Толкнув тяжелую деревянную дверь, я шагнула внутрь. В нос тут же ударил густой запах хмеля, жареного арахиса и чего-то мускусного. Интерьер, выполненный из темного дерева, создавал уютную, обволакивающую атмосферу. Столики были расставлены в живописном беспорядке. Между ними сновали официантки в туго затянутых фартуках и с де-

кольте, явно рассчитанным на щедрые чаевые. Мягкий свет настенных ламп успокаивал.

В будни народу было немного. Я быстро окинула зал взглядом в поисках друзей. В тот же миг меня заметила Эмили и помахала рукой.

— Лили, ну наконец-то! Иди скорее сюда!

Я вошла в полумрак нашего любимого бара. — Мы тут как раз с Алексом и Джинни спорим, какая операция круче: Уиппла или коррекция порока развития перикарда. Я, разумеется, за сердце! — выпалила она. — Оно такое могучее, сильное, требует ювелирной точности.

Я плюхнулась на свободное место рядом с ней и, не сдержав улыбки, ответила:

— Прости, подруга, но мой голос за Уиппла. В этом году её ещё никто не делал. А что до сердца, так это твой пятый по счёту любимый орган, и то с натяжкой.

— Эй, я же говорил, Эми! Лили на тёмной стороне! — усмехнулся Алекс, закинув в рот горсть арахиса и подмигнув мне. Он поднял свою кружку. — Тимми, дружище, плесни-ка Лили за мой счёт! Пива? — он вопросительно посмотрел на меня.

Я молча кивнула, и через мгновение передо мной стоял уже наполненный бокал.

— Ещё раз назовёшь меня Тимми — и этот бокал окажется у тебя на голове, Алекс, — процедил сквозь зубы бармен, которого на самом деле звали Тимом.

— Ну что ты, я же ласково, — протянул Алекс, но Тим лишь скрестил руки на груди и вскинул бровь. Алекс тут же комично надул губы. Эта битва взглядов была их вечной игрой, и он обожал выводить Тима из себя.

Не обращая внимания на очередную перепалку, Эмили продолжила наступление:

— Да ладно тебе, Лили! Когда ты держишь в руках живое, бьющееся сердце, ты чувствуешь его величие, его мощь! А вы что выбрали? Поджелудочную? Фе! — она картинно сморщила нос и сделала большой глоток пива.

Эти споры были для нас, ординаторов, таким же ритуалом, как утренний кофе. Кто круче, кто на какой операции мечтает ассистировать, кто урвал самый сложный случай, потому что приехал в больницу в четыре утра. Да уж, такая у нас работа: кто первый встал, того и тапки.

— А ты недооцениваешь поджелудочную, дорогуша, — усмехнулась я.

— Да брось, мы все должны стать великими! — Эмили театрально раскинула руки и по-хозяйски обняла меня и Джинни за плечи. От неё ощутимо пахло пивом, и я поняла, что этот бокал далеко не первый.

— Эмили, я смотрю, ты в прекрасном настроении.

— О да, детка! К чёрту всё, я сегодня в ударе и готова надрать задницу любому кто бросит мне вызов в дартс!

Я аккуратно убрала её руку и пригубила немного пива. Пить много я не собиралась — за весь суматошный день уда-

лось съесть только яблоко.

— Алекс, лучше расскажи о своей операции! Как всё прошло? — вмешалась тихая Джинни.

— О-о-о, это было потрясающе! — Алекс снова заиграл бровями, входя в раж. — Я сделал всё сам, от разреза до последнего шва. Старший ординатор пытался вставить свои пять копеек, но я настоял на конкретном доступе, и всё прошло просто зашибенно! — он взмахнул руками.

— Круто, поздравляю! — искренне ответила я и перевела взгляд на Эмили. Она смотрела на Алекса с таким нескрываемым обожанием, словно он был не просто ординатором, а рок-звездой, только что сорвавшей овации. Не понимаю, почему они до сих пор не вместе.

Алекс был тем ещё раздолбаем, но дьявольски талантливым. Он мог в одну минуту вести себя как полный придурок, отпуская дурацкие шутки, а в следующую превращаться в эдакого Джеймса Бонда из хирургии, от чьих едких, но точных замечаний хотелось провалиться сквозь землю. И Эмили это, кажется, сводило с ума.

Пока друзья снова погрузились в свой бесконечный спор, я поправила выбившуюся прядь волос и стала осматривать зал в поисках свободного бильярдного стола, чтобы немного расслабиться и поиграть. В баре стоял гул голосов, смеха и стука шаров. Я сделала глубокий вдох почувствовала едва уловимый запах табака. Курить здесь запретили после небольшого пожара, но в воздухе всё равно висела лёгкая

дымка — смесь сладковатых паров от вейпов и едва уловимого табака, въевшегося в одежду завсегдатаев.

— Лили, ты чего такая тихая? Расслабься, оторвись, склей какого-нибудь парня! Ты же сто лет ни с кем не встречалась, — Эмили толкнула меня локтем. — Нам срочно нужен горячий альфа! — протянула она, хищно оглядывая зал. Внезапно её взгляд замер на мужчине, который только что вошёл. — О да-а-а... Вот то, что тебе нужно, милая.

Я обернулась. У входа стоял мужчина лет тридцати трёх, высокий, со смуглой кожей и темными с золотым оттенком волосами, растрепанными так, словно он только что снял мотоциклетный шлем. Подтянутая фигура, но не лощеная мускулатура из спортзала — скорее, в нём чувствовалась естественная сила простого работяги, привыкшего к физическому труду.

— Иди, познакомься с ним! Чего сидишь? — не унималась Эмили, дергая меня за плечо.

— Нет, я пришла просто выпить с вами и пойти домой. Ничего больше.

— Лили, подними свою прекрасную задницу и топай к нему! Хватит уже копать в себе, иди расслабься.

И ведь она была права. Эмили стала мне по-настоящему близкой. Мы познакомились на вечеринке в честь зачисления и умудрились поругаться в первый же день. А потом она увела у меня из-под носа интереснейшую операцию. Именно тогда я поняла, с какой акулой хирургии имею дело. Но она

была честной акулой — всегда говорила то, что думает, не стесняясь в выражениях. И эта прямота мне в ней нравилась куда больше, чем закулисные интриги.

Я робко оглянулась на барную стойку. По спине побежали мурашки и руки немного вспотели. Парень и правда был хорош, но моя вечная неуверенность тут же дала о себе знать.

Сделав над собой усилие, осушила половину бокала, одним глотком вливая в себя жидкую смелость. Встала и направилась в туалет — классическая женская уловка, чтобы собраться с мыслями. Проходя мимо бильярдных столов, я снова бросила взгляд на мужчину. Он стоял у свободного стола рядом с невысоким приятелем и смеялся — так тепло и открыто, что у меня по коже побежали мурашки. Я невольно улыбнулась и пошла дальше, но вдруг ощутила на затылке лёгкое покалывание — тот самый безошибочный признак, что на тебя смотрят.

Стряхнув с себя это наваждение, я вошла в дамскую комнату. Первым делом — вымыла руки с мылом, профессиональная привычка, преследовавшая меня повсюду. Затем достала из сумочки блеск для губ с ароматом вишни, чтобы придать им лёгкий оттенок и влажный блеск. Кого я обманывала? Я хочу быть привлекательной, немного расслабиться и пофлиртовать с красивым мужчиной из бара. Я не отличалась быстрой хваткой на мужчин, и умением принимать легкомысленные решения в отношении противоположного пола. Для меня все было либо слишком серьезно, либо никак.

Просто мужчина из бара. Кто знает, чем это закончится? Иногда нужно перестать всё анализировать и просто пойти напролом, отбросив страхи. Сегодня — именно такой вечер.

Я поправила блузку, расстегнула верхнюю пуговицу — ровно настолько, чтобы это выглядело смело, но не вульгарно. Сделав глубокий вдох для храбрости, вышла из дамской комнаты. Мой взгляд тут же нашел его. Он стоял у бильярдного стола и через секунду наши взгляды встретились. Его губы изогнулись в улыбке. Он совершенно не обращал внимания на своего собеседника, который что-то эмоционально рассказывал, размахивая руками. Казалось, он ждал именно этого момента — нашей встречи глазами.

Пути назад не было. Ноги сами понесли меня в его сторону. Сердце колотилось где-то в горле, но я заставила себя идти ровно, не ускоряя шаг. Подойдя ближе, выдавила из себя:

— Привет. Раньше тебя здесь не видела. — Голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри все сжималось от волнения.

— Привет, — его улыбка стала шире. — А ты не похожа на девушку, которая часто бывает в барах.

— О, да я и вправду не часто здесь бываю.

«Дура, что ты несешь?»

— Работаю неподалеку, пришла с друзьями... вон с теми ребятами, — я торопливо махнула рукой в сторону нашего столика, чувствуя, как потеют ладони.

— Как тебя зовут?

— Лили Рид, — я незаметно вытерла влажную ладонь о джинсы и протянула ему руку.

— Очень приятно, Лили Рид. Я Итан.

— Взаимно, — улыбнулась я в ответ. Его рукопожатие было крепким, но не слишком сильным. Я ощутила грубую, чуть шершавую кожу ладони и невольно подняла взгляд. Глаза Итана оказались цвета виски, играющего на июльском солнце, в обрамлении густых ресниц, а взгляд на удивление мягким. Он был одет просто: темно-зеленая футболка, облегающая сильные плечи, и синие джинсы.

— Ты играешь в бильярд, Лили? — спросил он.

— Немного. Но могу разделить с тобой партию, если ты не против.

Когда он повернулся, чтобы взять для меня кий, я невольно скользнула взглядом по его фигуре. Подтянутые ноги, точеные ягодицы... Я быстро отвела глаза и поймала взгляд Эмили. Увидев мое невольное восхищение, она одними губами прошептала: «Сахарная попка. Дерзай».

— О боже, — вырвалось у меня. Я тут же отвернулась, как раз в тот момент, когда Итан протягивал мне кий.

— Дамы вперед, — он указал рукой на бильярдный стол.
— Какие ставки?

— Какие ставки? — Я удивленно повторила его вопрос.
— Серьезно? Ты ведь не знаешь, как я играю. Вдруг я совсем новичок, а ты этим воспользуешься?

— На это и расчет, Лили, — в его глазах блеснул озорной

огонек. Он откровенно флиртовал.

«*Черт возьми, Лили, успокойся, дыши, улыбайся*».

— Тогда тебе придется угостить меня выпивкой. — заигрывая, ответила я.

— Не вопрос. Что будешь?

— Пива, пожалуй.

Итан быстро сделал заказ у стойки и вернулся с напитками. Себе он взял стакан с янтарной жидкостью, похожей на бурбон, а мне протянул запотевшую бутылку «Короны».

— Это, видимо, твоя рыжая подруга? — кивнул он в сторону столика, где сидели мои друзья. — Она сказала, что ты любишь именно это пиво и, дословно, «если ты ее обидишь, я вскрыю твое сердце».

Мое лицо вспыхнуло.

— О да, это Эмили. Прости ее, она немного перебрала. — Я сделала большой глоток ледяного пива, пытаюсь унять приступ стыда, и поставила бутылку на край стола.

Легкое опьянение смешивалось с азартом. Итан выглядел очень самоуверенным, но он и не подозревал, что с шестнадцати лет я играла в бильярд с приятелями. Мы устраивали настоящие баттлы, и проигравший угощал всех дешевой выпивкой.

— Что делает проигравший? — спросил он, прерывая мои воспоминания.

— Ну... может угостить меня еще одним пивом.

— Нет, так неинтересно. Я и так уже купил тебе выпить.

Надо повышать ставки, Лили. — Итан облокотился на стол, его взгляд стал серьезнее.

— И что ты предлагаешь? — склонила голову набок, наблюдая, как его губы касаются края стакана. Я невольно повторила за ним.

Итан наклонился к моему уху и произнес тихо, почти шепотом:

— Проигравший... должен поцелуй.

— Поцелуй? Но ведь тогда это не спор. Здесь нет проигравших.

— Вот именно.

«Держи себя в руках».

— Ладно, — сверкнув глазами, ответила я и наклонилась для первого удара. Сердце учащенно забилося. Чем черт не шутит?

Я заставила себя сосредоточиться на битке, сделала пару вдохов, и прицелилась. Краем глаза видела, как Итан откровенно изучает меня, скользя взглядом по изгибам тела. От этого взора по коже побежали мурашки.

— Ты пялишься. Это отвлекает.

— На это и расчет, Лили Рид, — усмехнулся он, потягивая свой напиток.

На мгновение я перевела на него взгляд, замечая поддразнивание.

Собравшись с мыслями, снова посмотрела на стол и нанесла удар. Два шара с глухим стуком упали в лузы.

— Да! — восторженно воскликнула я, и подпрыгнула на месте. Не ожидая от себя такой бурной реакции, смущенно взглянула на Итана. Он смеялся — так искренне и тепло, что мне самой стало невероятно уютно в его компании.

— А ты игрок, не ожидал, — с теплой улыбкой сказал он.

Следующим ударом я забила еще один шар. На третий раз решила немного поддаться, чтобы сохранить интригу, и намеренно промахнулась. Выпрямившись, жестом пригласила его к столу. Итан прошел рядом, и меня окутала аромат леса и цитрусов, терпкий и свежий одновременно.

— Не люблю, когда мне поддаются, — сказал он, обернувшись.

Я сделала еще глоток пива, стараясь выглядеть невозмутимой.

— Даже не понимаю, о чем ты, — ответила, слегка прикусив щеку изнутри.

Игра закончилась со счетом 8:7 в мою пользу. Между ударами мы постоянно смеялись и флиртовали, и к концу партии мои щеки пылали. Ощущая невероятный прилив энергии от победы и выпитого пива, я не удержалась и сделала пару танцевальных движений под музыку из колонок, слегка покачивая бедрами. Закончив свой скромный победный танец, встретила взгляд Итана, который пригвоздил меня к месту. Итан одним глотком допил остатки бурбона. Веселье испарилось, уступая место густому напряжению.

— Что ж, я действительно недооценил тебя. И твой по-

бедный танец. Но проигрыш есть проигрыш, и я должен отдать долг. — Итан поставил стакан на стол, положил кий на место, и повернулся ко мне.

Он подошел так близко и так стремительно, что я невольно попятилась, пока не уперлась в край бильярдного стола.

Проглотив комок в горле, пролепетала:

— Ты можешь этого не делать, если не хочешь. Будем считать, что играли на интерес.

— О нет, Лили, — медленно протянул он, нависая над мной и упираясь руками в стол по обе стороны от меня, заключая в ловушку. — Мне совершенно не хочется играть с тобой на интерес.

«О Боже»

Я запрокинула голову. Пути назад не было. Теперь, когда он так близко, я смогла разглядела россыпь мелких веснушек на его носу и щеках, золотые искорки в карих глазах и ямочку, которая появлялась, когда он улыбнулся. Мое сердце пропустило удар, а потом забилось с бешеной скоростью. Я чувствовала его теплое дыхание на своей коже. Взгляд Итана метался от моих глаз к губам и обратно, пока не замер на последних. Без тени сомнения он медленно наклонился и коснулся моих губ своими. Поцелуй был мягким, нежным, пробным — будто он проверял, подходим ли мы друг другу. Я ощущала легкую колкость его щетины, от которой по телу пробегала дрожь. Он на мгновение отстранился, а затем снова прижался к моим губам, на этот раз настойчивее, про-

водя языком и прося разрешения войти. Я приоткрыла рот, и наши языки встретились. Терпкий вкус бурбона смешался со сладостью момента, опьяняя и заставляя раствориться в нем без остатка.

Идиллию безжалостно разрушил резкий звонок его телефона, и я вздрогнула от неожиданности. Итан, тихо выругавшись, отстранился и посмотрел на экран

— Прости, Лили, мне нужно ответить.

Его голос, который только что был хриплым от страсти, прозвучал отрезвляюще. Итан отстранился, и я, разочарованная, коснулась кончиками пальцев своих губ. Они все еще хранили влажное тепло поцелуя, и от этого по телу пробежала сладкая дрожь.

Я наблюдала, как он, отвернувшись, достал телефон. Широкие плечи напряглись, а в голосе, обращенном к невидимому собеседнику, появились жесткие нотки. Весь его облик резко переменялся: от нежного, пылкого парня, который только что целовал меня, не осталось и следа. Возможно, это и к лучшему. Я не поклонница интрижек на одну ночь, но и подобное притяжение испытала впервые.

Я опустила руки и обвела взглядом шумный зал. Мои друзья уже кучковались у выхода, собираясь по домам. В этот момент ко мне подошел Итан. Вид у него был действительно расстроенный.

— Лили, прости, вечер был невероятный, но мне срочно нужно бежать. Брат просит о помощи, и я не могу ему отка-

зять, — виновато произнес он, взъерошив рукой свои темные волосы.

— Все в порядке, я понимаю, — тихо ответила я, стараясь скрыть свое разочарование.

— Слушай... — он замялся, и в его глазах мелькнула неуверенность. — Может, увидимся еще? Я бы с удовольствием взял твой номер... или могу дать свой? Мы могли бы снова устроить соревнование или... придумать что-нибудь другое?

Я на мгновение заколебалась. Все происходило слишком стремительно. Заметив мое сомнение, он тут же нашелся: — Давай я дам тебе свой. Так будет лучше.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула я.

Он ловко извлек из бумажника небольшую карточку, на обороте которой быстро черкнул номер телефона и протянул мне.

— Позвони мне, Лили. Я буду ждать, — его голос снова стал теплым. Он шагнул ближе и оставил на моей щеке легкий, почти невесомый поцелуй. От этой неожиданной нежности на коже осталось приятное покалывание.

— Спасибо за вечер, Итан.

— И тебе спасибо, Лили Рид.

Я взяла записку, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Он одарил меня последней теплой улыбкой и растворился в толпе у выхода. Не успела я спрятать драгоценный клочок бумаги в сумочку, как рядом со мной материализо-

валась Эмили.

— Ну и куда испарилась эта сахарная попка? — довольно громко поинтересовалась она, повиснув у меня на плече.

Я закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку. — Ему нужно было срочно уехать к брату, — с ноткой разочарования в голосе пояснила я, — но он оставил свой номер.

—Ого! Ты просто обязана ему позвонить! — воскликнула Эмили.

— Милая, сколько ты выпила? За руль в таком состоянии я тебя точно не пущу.

— Капельку больше, чем следовало, — хихикнула подруга.

Когда мы направились к выходу, нас догнал Алекс.

— Я могу подбросить Эмили и Джинни, нам в одну сторону, — предложил он. Это было как нельзя кстати. Я уже чувствовала себя достаточно трезвой, чтобы вести машину.

— Пока, ребята! Увидимся! — я помахала им на прощание, подхватила сумочку и вышла на улицу.

Ночная прохлада тут же окутала меня, заставив поежиться. Контраст с душным, шумным баром был разительным. Шагая по пустынной парковке у больницы к своему старенькому серому «Форду», я снова и снова прокручивала в голове события вечера. Теплые воспоминания о поцелуе смешивались с образом напряженного незнакомца, разговаривающего по телефону. Запустив двигатель, я медленно выехала на ночную дорогу. Кто же ты такой, загадочный Итан? Эта

мысль не отпускала меня всю дорогу до дома.

Глава 3 Лили

Мерзкое, назойливое жужжание будильника в 5:30 резко оборвало сон. Я вздрогнула, и рука сама собой метнулась к телефону, чтобы прекратить эту пытку.

— Боже, как же хочется спать, — простонала я, сладко потянувшись и отвернувшись к стене.

Каждая клеточка тела протестовала против столь раннего подъема. Сознание, еще вязкое после короткого, рваного сна, упрямо твердило, что пора в душ и клинику. С тяжелым вздохом я заставила себя встать с кровати, если это сооружение можно было так назвать. Матрас давно просил о замене, и каждую ночь приходилось ворочаться в поисках положения, где очередная пружина не впивалась бы в ребро.

Пошатываясь, я побрела в ванную, надеясь, что вода приведет меня в чувство. Горячие струи ударили в лицо, смывая остатки сна и настраивая на рабочий лад. Только после этого я немного взбодрилась.

После того, как я вышла из душа и накинула белье, мысли сами собой вернулись к Итану и тому, чем могла бы закончиться наша встреча. Губы тронула легкая улыбка. Чтобы скрыть следы усталости, наспех нанесла свой обычный «боевой» макияж: немного консилера под глаза, пара взмахов тушью и капля блеска для губ.

Войдя на кухню, принялась уговаривать свою капризную

старушку-кофеварку работать. Она барахлила почти каждое утро. Моя крошечная студия больше походила на каморку, но я любила ее за обилие света. Своими силами я пыталась создать в ней уют с помощью милых подушек, мягких пледов и недорогих, но со вкусом подобранных картин. Пока кофеварка нехотя фырчала, я открыла холодильник и соорудила себе сэндвич. Готовый кофе перелила в термос, чтобы не опаздывать, натянула лонгслив с джинсами и выскочила за дверь.

Мой дом находился всего в пятнадцати минутах езды от больницы. Это короткое путешествие было моей личной медитацией — время, которое я могла провести наедине с дорогой, музыкой и мыслями о работе, пациентах и будущем.

Я завела машину и выехала на трассу. Начинался ясный день. Рассвет окрашивал небо в нежные персиковые и золотые тона, а дороги в шесть утра пустынные, так что ехать было одно удовольствие. Включив радио, из динамиков которого полилась какая-то бодрая мелодия, я быстро добралась до больницы.

Припарковавшись на своем привычном месте, заметила Эмили. Она уже шла в мою сторону, слегка пошатываясь.

— Эй, красотка, вид у тебя, прямо скажем, помятый, — усмехнулась я.

— Не язви, Лили, — вяло отмахнулась подруга. — Просто немного перебрала вчера. Жду, когда аспирин подействует. Дай мне пятнадцать минут, и я буду готова бежать триатлон,

так что не обольщайся! — Она перевела на меня любопытный взгляд. — Ну, как тебе тот красавчик? Если бы не Алекс, я бы точно увела его у тебя.

— Может, я ему позвоню, — неуверенно пробормотала я.

— «Может быть»? Ты с ума сошла, Лили? Он же такой горячий, надо действовать! — почти требовательно воскликнула Эмили.

— Ладно-ладно, позвоню ему сегодня. Пойдем лучше посмотрим, кто и где сегодня работает.

Мы быстрым шагом добрались до раздевалки и, переодеваясь в голубую форму, продолжили делиться впечатлениями о вечеринке. В этот момент в ординаторскую вошла доктор Пирс.

— Так, живет, девочки, работы полно. Ланг — в кардиологию, Рид — в приемное, Чен — в хирургию, Диксон — в гинекологию.

— Гинекология? — простонала Джинни. — Ну почему опять? Там одно и то же: кесарево за кесаревым. Можно мне что-нибудь другое?

— Диксон, я похожа на человека, который жаждет выслушивать твои жалобы? У меня дружелюбное выражение лица? Нет? — Пирс не стала дожидаться ответа. — Так я и думала. Быстро за работу!

— Ох, чувствую, денек будет долгим, — вздохнула Джинни.

— Надеюсь! — с довольным видом, потирая руки, отозва-

лась Эмили. — Может, сегодня в кардиологии будет что-то интересное.

Я допила остатки кофе из термоса.

— Увидимся за обедом? — спросила я, повернувшись к друзьям.

— Да! — хором ответили Джинни и Алекс, уже направляясь к двери.

Я заметила, как Эмили хмуро проводила взглядом Алекса. Кажется, не только похмелье портило ей настроение.

— Эмили, все в порядке?

— Не совсем, — ответила она, с шумом захлопывая шкафчик. — Алекс вчера даже не поцеловал меня. Мы сначала забросили Джинни, потом он подвез меня, но просто уставился на руль и пожелал спокойной ночи. Я же даже ноги побрила! Ноги, Лили! Ты хоть знаешь, сколько на это уходит усилий?!

— Ну, может, он просто переживает из-за чего-то, не решается. Поверь, я вижу, как он на тебя смотрит. Ты ему точно нравишься, просто дай ему время.

— Бесконечно смотреть нельзя, пора бы уже и делом заняться, — фыркнула она, ловко завязывая свою густую гриву в хвост.

— Да, это так.

Выйдя из ординаторской, мы подошли к расписанию на ресепшн. По плану у Эмили была операция по замене клапана.

— О да! Кровавая операция — как раз то, что нужно, чтобы взбодриться! Либо жаркий секс, либо жаркая операция! Пойду искать доктора Нильсон. Пока!

С этими словами и уже сверкая глазами, она упорхнула в коридор.

Проводив ее взглядом, я с глубоким вздохом направилась в приемное отделение. Пора было заменить смену ночной бригады.

Где-то ближе к обеду я уже расправилась с растяжением, вывихом, порезами от кошки, которые требовали наложению нескольких швов, будто это был не просто домашний питомец, а огромный гризли, отправила на томографию нескольких пациентов с болями в животе и параллельно заполняла истории болезни в компьютере, опустошая очередную чашку кофе.

Неожиданно в дверь ворвалась скорая. На носилках, лежал пациент, вопящий от боли.

— Мужчина, 50 лет, острые боли в животе, упал без сознания в супермаркете, пролежал так несколько минут, ударился об пол головой, зрачки реагируют на свет, давление 90/60, влили 500 мл физического раствора и 1 кубик морфина.

Быстро встав со стула, я направилась к пациенту, даже забыв закрыть карту на компьютере.

— Во вторую его, — крикнула я, приближаясь к смотровой.

В такие моменты хаос приемного покоя дарит такой прилив адреналина, что мои щеки вспыхивают и я заряжалась так, что готова была свернуть горы.

— 2 кубика морфина, подключите 1 литр физраствора, — также на прокричала я.

Смотровая понемногу заполнялась медицинскими сестрами, интернами, иногда здесь было не протолкнуться.

— Сэр, меня зовут доктор Рид, что случилось с вами, вы помните?

— Нет, — простонал мужчина, морщась от боли.

— Оливия, ставь центральный венозный катетер, — обращаясь к своему интерну, сказала я. Оливия Чак была хоть и расстерянной юной блондинкой с серыми глазами, часто косячила, портила карты и путала анализы, но задатки доктора у нее были. — Мистер... Уокер, беря карту в руки я посмотрела и перевела взгляд на него, — мы о вас позаботимся.

Уложив пациента на стол, я начала слушать его в фонендоскоп и осматривать живот.

— Боль в верхних отделах живота, нужна томография.

— Да, доктор Рид, — подхватила Оливия. Я стала наблюдать за ее техникой наложения катетера и после обезболивания пациента, оставила ее, так как кризис миновал. Переведя взгляд на время я поняла, что могу немного перекусить.

Густой запах переваренного кофе и антисептика — вечный парфюм нашей больничной столовой. Я скользнула взглядом по помещению и нашла своих. За столиком у ок-

на сидели только Джинни и Алекс. Эмили, видимо, все еще была прикована к операционному столу. Я со вздохом взяла поднос и положила на него стандартный набор хирурга: углеводы и белок в виде слипшихся макарон и сомнительной куриной грудки. Топливо, не более.

— Я скоро начну выть от тоски в этой гинекологии! — театрально закатила глаза Джинни, едва я опустилась на стул. Она с хрустом отправила в рот картофелину фри. — Пирс меня теперь лично ненавидит. Подумаешь, спутала карты двух пациенток с одинаковой фамилией! Долго она еще будет мариновать меня на скучных осмотрах?

— Это же Пирс, — хмыкнул Алекс, не отрываясь от телефона. — Наша «Гаргулья». К ней подмазаться так же реально, как пришить отрезанной голове новые уши.

Мысль о том, чтобы «подмазаться» к Пирс, была настолько абсурдной, что я едва не рассмеялась.

— А я кое-что знаю... — Джинни подалась вперед, понизив голос до заговорщицкого шепота, и ее глаза заблестели. — По слухам, у нас скоро будет новый глава травматологии. Говорят, молодой и, — она сделала многозначительную паузу, — очень даже ничего.

— Господи, Джинни, ты не работаешь, а собираешь сплетни? — пробормотала я, пытаюсь прожевать резиновую курицу.

— Ох, милая, тебе бы денек в нашем змеином гнезде отчаявшихся одиночек! — фыркнула она. — Они учуют све-

жее мясо за километр и вцепятся, как пираньи.

— У них каждый месяц новый «горячий доктор» в слухах, — лениво протянул Алекс, наконец отложив телефон и отправляя в рот огромный кусок тоста с ветчиной. — Я уже сбился со счета.

— Точняк, — подхватила я, чувствуя, как напряжение дня понемногу отпускает.

Тишину нашего столика разорвал пронзительный, требовательный писк пейджера на моем поясе. Код «911».

Все внутри сжалось в ледяной комок. Мир сузился до трех цифр. Я наспех проглотила кусок курицы, который комом застрял в горле, и залила его газировкой. Вскочив, бросила на стол поднос.

— Джинни, убери за мной, я в томографию. Спасибо! — крикнула через плечо, срываясь на бег.

— Ну конечно! Это же не какая-то там гинекология! — донесся до меня ее недовольный, но уже привычный голос.

Я влетела в кабинет КТ. Картина была хуже, чем я могла представить. Оливия, мой интерн, застыла у аппарата, бледная как больничная простыня. Ее руки мелко дрожали, а взгляд был прикован к монитору, с которого доносился тревожный, монотонный писк падающих показателей.

— Я ничего не сделала, он сам... сам... — пролепетала она писклявым, срывающимся голосом, увидев меня.

— К черту, что произошло?! — рявкнула я, отталкивая ее от пациента. Времени на панику не было. Мой взгляд —

к монитору. Фибрилляция. Зрачки. Вздутый живот. Черт. Внутрибрюшное кровотечение. Он уходит прямо у нас на глазах.

— Он умирает! Оливия, хватай дефибриллятор, живо!

Испуганная девушка протянула мне холодные, скользкие от геля приборы.

— Разряд!

Тело пациента выгнулось дугой от мощного электрического импульса. Я, не отрываясь, смотрела на монитор. Секунда, вторая... Есть! Синусовый ритм. Но давление предательски ползло к нулю.

— Вызывайте Пирс! — крикнула я медсестре в коридоре. — Срочно готовим операционную! Немедленно!

Следующие минуты слились в смазанное пятно из грохота каталки, выкриков команд и запаха операционной. Мы мчали каталку в «красную зону». Я на ходу обрабатывала руки спиртовым раствором, чувствуя, как он холодит кожу.

Толкнув дверь плечом, вошла в операционную. Стерильный холод, блеск стали, готовая анестезиологическая бригада. Но одного человека не хватало.

— Где доктор Пирс? — голос прозвучал резче, чем я хотела. — Почему она еще не здесь? — вопрос повис в воздухе, и я перевела взгляд на мониторы, где хрупкая нить жизни пациента продолжала истончаться.

— Она в соседней операционной, застряла на экстренной грыже. Мы уже ей сообщили, — бросила операционная мед-

сестра, натягивая на меня стерильный синий халат. Ее движения были резкими, отработанными до автоматизма.

— Черт, — вырвалось у меня. — Вызовите кого-нибудь в помощь, мне нужны еще одни руки! Скальпель!

В этот момент мир схлопывается. Исчезают стены, лица коллег, писк аппаратуры. Остается только густая, звенящая тишина, прорезанная ударами собственного сердца. Есть только ты, ослепительный свет лампы и жизнь, которая лежит на столе, полностью отданная в твою власть. Ради этой оглушающей тишины, ради этого контроля на грани нереального, мы и становимся хирургами. Но иногда эта иллюзия всемогущества играет самую злую шутку.

— Черт... черт... Откуда столько крови?! — мой голос сорвался на крик, когда очередной тампон мгновенно пропитался алым. Отсос² захлебывался, а я не видела источника. — Где Пирс?! Вызовите шефа, неважно кого, я его теряю! Теряю!

Оливия, мой интерн, была белее меловой стены. Она подавала мне сухие тампоны с такой неуклюжей медлительностью, что только мешала.

Дверь операционной с шумом распахнулась. На пороге стоял высокий мужчина — не меньше шести футов — уже в маске и причудливой шапочке с мультяшными динозаврами. *Кто, черт возьми, носит такое в операционную?* Он шагнул внутрь с уверенностью хозяина, держа стерильно обработан-

² (прим. автора: инструмент для осушения операционного поля)

ные руки на уровне груди.

— Что у нас здесь? — его голос был низким, резким и абсолютно спокойным.

— Кто вы, черт побери? — выпалила я, не отрывая взгляда от раны. — Я вас не знаю.

Он проигнорировал мой вопрос, но я почувствовала, как его взгляд впился в меня. Он сверкнул светло-карими, почти медовыми глазами из-под густых темных бровей, и что-то в этом взгляде заставило меня пожалеть о своих словах. Что-то неуловимо знакомое, как давно забытый сон.

— Доктор Джеймс Бейкер, — отрезал он. — А теперь предлагаю вам сосредоточиться на работе, если в ваши планы не входит труп на этом столе. Больше марли! Осушите нормально, я должен видеть поле!

Его руки уже были в ране, работая быстро, точно и... унизительно умело.

— Да как вы смеее?! — вскипела я. — Он умирал, когда его привезли! Я спасла его от фибрилляции!

— Что-то не заметно, — бросил он, не глядя на меня. — Пока вы тут распинаетесь, у пациента разорвана селезенка и разможжена почка. Кто вообще дал *вам* право здесь оперировать?

Я с такой силой сжала зубы, что почувствовала медный привкус крови на языке. Волна обжигающей, вселенской злости к этому человеку поднялась из самых глубин души. Но я промолчала. Засунув свою гордость куда подальше, за-

ставила себя стать вторым номером, ассистируя ему. Пациент был важнее.

Спустя два часа кропотливой, молчаливой войны над операционным столом, кровотечение было остановлено. Осталось лишь зашить рану. Доктор Зазнайка начал снимать перчатки.

— Надеюсь, ума зашить пациенту живот у вас хватит? Или мне остаться и проконтролировать, чтобы вы не пришили ему что-нибудь лишнее? — его голос сочился ядом, а глаза, казалось, стреляли в меня искрами.

Это было последней каплей.

— Это *мой* пациент. И да, я справлюсь, спасибо, доктор... — я вопросительно вскинула брови, вложив в паузу все свое презрение.

Он усмехнулся. Жесткая, неприятная усмешка.

— Теперь это *мой* пациент. И это не обсуждается.

С этими словами он сорвал с себя халат, бросил его в корзину и вышел, оставив за собой шлейф из моего унижения и оглушенной тишины.

Я замерла, глядя ему вслед. Потом медленно обвела взглядом операционную бригаду. Все молчали, потрясенно глядя то на меня, то на закрывшуюся дверь. В их глазах плескалось то же недоумение, что и в моих.

— Что это, черт возьми, было? — мой голос прозвучал глухо.

Никто не ответил. Лишь покачали головами.

Я закончила операцию на автопилоте, вся внутри клоко-ча от ярости. Это было даже не бешенство. Это было нечто большее, холодное и острое. Выйдя из операционного блока, я, сама не своя, направилась к центральному холлу и едва не сбила с ног Эмили, которая подлетела ко мне с восторженным лицом.

— Ты вообще слышала, что творилось во второй операционной? — затараторила она, жестикулируя так активно, будто пересказывала финал остросюжетного фильма. — Говорят, какая-то ординаторша чуть не угробила пациента и вдобавок наорала на нового главу травматологии! Вся больница уже гудит. Ей даже кличку приклеили... Мисс Руки-Крюки, или что-то в этом роде?

Мир вокруг меня замер. Звуки холла превратились в вязкий, густой фон. Я медленно повернула голову к Эмили. Холод, начавшийся в кончиках пальцев, ледяной змеей пополз вверх по позвоночнику.

— Что... ты... сказала? — прошипела я, и мой голос был настолько чужим и ледяным, что Эмили отшатнулась, а ее глаза округлились от испуга.

— Я... я не знаю... просто вся больница об этом трещит... — пролепетала она, сжимаясь под моим взглядом.

— Никто никого не убивал! Состояние было критическим! — ярость вскипела во мне, вытесняя шок. — Я убью его. Где он?

— Так... это была ты? — в ее голосе звучал неподдельный

ужас.

— Эмили, отвечай!

— Он пошел к шефу...

Кажется, в тот момент я могла бы метать молнии. Не чувствуя под собой ног, сорвалась с места и почти бегом направилась к кабинету шефа. Как он посмел? Что он себе позволяет?! Да кто он такой, этот Доктор Свирепый Взгляд, чтобы врываться в мою жизнь, устанавливать свои порядки и, что самое страшное, подрывать мой авторитет перед всей больницей? Немыслимо!

Я достигла заветной двери и, не удосужившись постучать, рванула ее на себя. Если из меня в тот момент не извергалась лава, то я не знаю, как еще описать состояние на грани безумия.

Картина, открывшаяся мне, заставила замереть на пороге. За столом, в своем кресле, сидел шеф хирургии Эдвард Вудс и... смеялся. А напротив него, вальяжно раскинувшись в кресле для посетителей, сидел *он*. И я впервые услышала его смех — мягкий, бархатный, глубокий. От этого диссонанса у меня невольно поползли вверх брови.

Они оба обернулись на шум. Я снова встретилась с этими медовыми глазами. Это был он. Ублюдок, опозоривший меня.

— О, а вот и вы, — он лениво поднес к губам чашку с кофе, и в уголках его глаз заплясали насмешливые искорки. — Пришли сообщить, как блестяще я справился и заодно по-

благодарить за предоставленную возможность самостоятельно сшить кожу?

— Ох, а вы уже успели поработать вместе? — вмешался шеф, сияя от гордости и совершенно игнорируя ядовитый сарказм. — Доктор Рид, познакомьтесь. Это наш новый глава травматологического отделения, доктор Джеймс Салливан Бейкер.

Мой взгляд метнулся от шефа к этому... Бейкеру и обратно. Впервые в жизни я не знала, что сказать. Воздух застрял в легких.

— Это... — я наконец обрела голос, — это было вопиюще непрофессионально с вашей стороны! Врываться в *мою* операционную, обвинять меня в некомпетентности, оскорблять меня и...

Он поднял руку, призывая меня к молчанию, и этот жест был полон такого снисхождения, что меня затрясло.

— Тише, тише, доктор Рид. Зачем столько эмоций? — он поставил чашку и посмотрел на меня в упор. — Вам нужна была помощь? Нужна, — он не стал дожидаться ответа. — Я действовал в интересах пациента, пока вами управляла паника. Страху нет места в операционной. И пока вы этого не поймете, *вам* там не место.

— Что вы сказали?! — ярость взорвалась во мне с новой силой. — Шеф, это недопустимо!

— Так, доктора, давайте успокоимся, — примирительно сказал Вудс. — Главное, что пациент вне опасности и, как я

понимаю, стабилен? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Верно, — выдавила я сквозь стиснутые зубы.

— Не без моей помощи, — сверкнул белоснежной улыбкой Бейкер. У него были настолько идеально ровные зубы и настолько самодовольная внешность, что это бесило еще больше. Он подмигнул мне. — Не стоит так гневно раздувать ноздри, доктор. И вам идет этот румянец.

— Вы еще пожалеете о своих словах! — выплюнула я, разворачиваясь к двери.

— Жду с нетерпением, — донесся до меня его бархатный голос. Голос, за который хотелось врезаться.

Я вылетела в коридор и, не глядя, пронеслась мимо застывших Эмили и Джинни.

— Похоже, кто-то встал не с той ноги... — донесся до меня тихий шепот Джинни.

Я метнула в их сторону испепеляющий взгляд и скрылась в ординаторской. Дверь захлопнулась за мной с оглушительным треском. Внутри все кипело. Не найдя другого выхода для своей злости, со всей силы пнула старый, выдавший вид диван.

— Ай! — взвыла я, сгибаясь и хватаясь за ушибленную ногу.

Боль пронзила стопу, смешиваясь с унижением и яростью. Хромая, я опустилась на диван, который только что атаковала.

— Чертов засранец... Гений травматологии... Ну, я тебе покажу, Джеймс Салливан Бейкер.

Глава 4 Джеймс

Три месяца назад.

Неподалеку от Мосула, Ирак. 11 февраля 2008 г.

— Проклятая жара... — пробормотал я, вытирая липкий пот со лба тыльной стороной ладони.

Я в очередной раз пересчитывал медицинские укладки, готовясь к передислокации. Наш мобильный госпиталь снова снимался с места. Двигаться приходилось постоянно, чтобы не стать легкой мишенью для радикалов, которые с радостью разнесли бы нас на куски вместе со всеми медикаментами.

Иракское солнце было сущим адом, но за те несколько лет, что здесь служил, я почти забыл, каково это — работать в стерильной прохладе гражданской больницы. Когда весной 2003-го все началось, я продержался в стороне всего несколько месяцев. А потом понял, что больше не могу. Оставив дом и близких, я ушел на войну, потому что мой опыт в травматологии был нужен здесь, среди этих ребят.

Кровавое месиво и оторванные конечности давно перестали вызывать шок. Наоборот, чем безнадежнее казалась ситуация для остальных, тем яростнее я вгрызался в работу, действуя на грани безрассудства, вытаскивая солдат буквально с того света. Мне было все равно. Казалось, что те-

рять нечего .

Казалось — это ключевое слово.

— Эй, Джеймс! Успеешь еще свои склянки пересчитать!
Тащи свой зад сюда, давай погоняем мяч!

В палатку, откинув пыльный полог, ворвался Джон Кроули. Мой друг. Мой названный брат. Человек, с которым мы выросли на одной улице, делили все секреты и прикрывали задницы в любой передраге. Он был чуть ниже меня, светло-волосый и голубоглазый, а светлая кожа вечно обгорала под безжалостным солнцем.

— Сейчас по своему мячу получишь, засранец, — огрызнулся я, но не смог сдержать улыбки, поворачиваясь к нему.
— Пошли, погоняем.

Смеясь он помчался прочь.

— Все равно далеко не убежишь! — крикнул я, догнав его в два шага, и запрыгнул на спину.

— Эй, ты вешишь тонну, чувак! — пропыхтел он, пытаясь устоять на ногах. — Слезай, пошли попотеем по-настоящему!

Наша мобильная бригада была крошечной: мы с Джоном — хирурги, пара медбратьев и наш водитель. Иногда мы вот так гоняли мяч по выжженной земле, чтобы размять затекшие мышцы и вытряхнуть из головы гул операций и страх перед будущим, о котором никто не говорил. Мы не строили планов на завтра или на следующий месяц, давно оставили это позади. Каждый из нас, засыпая под тонким брезентом,

молился лишь об одном: открыть утром глаза и увидеть лица своих товарищей — живыми и невредимыми. За все это время они стали моей семьей.

— Гол! — весело протянул Джон, отплясывая нелепый победный танец.

Я рассмеялся — громко, от всего сердца.

Мы носились по горячей земле минут сорок, до тех пор, пока футболки не прилипли к телу, а в легких не начало жечь. Из палатки связи вышел наш водитель.

— Орлы, по коням! Дали команду выдвигаться.

6 утра. Чикаго, 24 мая 2008 года. Наши дни.

Я проснулся от собственного крика.

Холодный пот. Горящее горло. Сердце, колотящееся о ребра, как пойманная птица.

Взгляд метался по сторонам, инстинктивно выискивая угрозу, но вокруг лишь знакомые, выкрашенные в светло-зеленый стены. Моя старая комната. Комната мальчика, которым я когда-то был, уютная, несмотря на хаос из разбросанной одежды. Это не Мосул. Это Чикаго.

Я запустил руку в мокрые волосы, поскреб пальцами по черепу, а затем прижал ладони к лицу, пытаюсь привыкнуть к утреннему свету.

Снова он. Сон, который преследует меня с самого возвращения. Бесконечный, заикленный кошмар, от которого нет

спасения. Псевдопсихологи не помогали. Дешевый виски, которым я заливался до беспамятства, тоже. Меня списали. Демобилизовали, похлопав по плечу со словами о «прекрасной работе на благо страны». Боже, какой бред. Вышвырнули, как сломанную игрушку. Я умолял командира дать мне новый контракт, позволить вернуться. Но он лишь тяжело опустил руку мне на плечо.

«Джеймс, — сказал он тогда, глядя мне прямо в глаза, — отчаяние — плохая причина, чтобы возвращаться на войну».

Мне хотелось разбить ему лицо об стол. Но я просто развернулся и ушел.

Месяцы после этого провалились в туман из дешевого алкоголя, бессмысленных драк в пропахших перегаром барах и унижительных поездок домой из полицейского участка. Мой брат, который вечно вытаскивал меня оттуда, твердил одно и то же: «Живи, Джеймс. Просто начни жить».

Легко сказать.

Вчера я наконец заставил себя что-то сделать. Тошнота от самого себя достигла предела. Нашел несколько вакансий травматолога, и после пары собеседований снова напился. Идиоты в дорогих костюмах, едва заведя в резюме строчку о «заслугах перед страной», заглядывали мне в рот и с готовностью предлагали работу, не задавая лишних вопросов.

Последнее место. Чикаго. Больница Раш. Хорошие деньги. Собеседование в восемь утра.

Я заставил себя подняться и пойти в душ. Выкрутил кран до упора, выпуская ледяные струи. Иглы холодной воды сразу впились в кожу, на мгновение отрезвляя. Это помогло. Хоть и ненадолго.

Выйдя из душа, упал на пол и начал отжиматься, пока мышцы не начинали гореть, разгоняя стылую кровь. Чашка черного кофе без сахара. Газета с новостями. Скука смертная.

Голубая рубашка, рукава закатаны до локтей, темные джинсы. Я смотрел на себя в зеркало перед выходом. В отражение был незнакомец. Волосы длиннее, чем положено по уставу. В глазах — пустота. Мелкие морщины у глаз — не от возраста, а от того, что я разучился не хмуриться.

— Пора, — говорю я тишине.

Завел старый «Мустанг» и выехал на дорогу. Опустил стекла. Ветер врывается в салон и трепал волосы, но не мог выдуть из головы вязкую муть. Через пятнадцать минут я припарковался у больницы.

Стекло и сталь, устремленные в небо. Монументально. Холодно.

Я не люблю опаздывать, поэтому подошел к кабинету шефа хирургии заранее. Прислонившись спиной к прохладной стене, тяжело выдохнул. Мне это действительно нужно? Смогу ли войти в ритм мирной жизни? Я точно знал одно: так, как сейчас, продолжаться больше не может.

Легкий шум заставил меня обернуться. Из-за угла вышел

мужчина крепкого телосложения, старше меня, с темными пронизательными глазами и благородной сединой в волосах.

— Вы на собеседование? — его голос спокоен и лишен формальностей.

— Да, сэр. Джеймс Бейкер, — поприветствовал я.

— Доктор Вудс. Эдвард, — он протянул мне руку для рукопожатия и открыл дверь. — Прошу.

Классический кабинет большого начальника. Панорамные окна с видом на город, стены увешаны дипломами, патентами и фотографиями. Кубки и прочая, как я ее называл, требуха. Эдвард бросил портфель на стол и жестом указал на кресло.

— Присаживайтесь, доктор Бейкер. Кофе, к сожалению, предложить не могу, моя ассистентка еще не пришла.

— Ничего, спасибо. Я уже выпил.

— Итак, — он сел напротив и сложил руки на столе, — я изучил ваше резюме. Впечатляет, не буду скрывать.

— Благодарю, сэр... Эдвард, — поправил себя под его пристальным взглядом.

— У нас открыта позиция заведующего отделением травматологии. Ваш опыт дает мне полное право предложить вам контракт. На полгода, для начала. — Он пододвинул ко мне папку с документами, и я пробежался взглядом по тексту. Зарплата внушительная. — У нас современная клиника, отличные специалисты. Но... это учебная больница. Ординаторы, интерны... зеленые, как трава в мае. Их нужно учить.

Вдалбливать основы. Вам придется работать в команде, доктор Бейкер. Надеюсь, с этим у вас проблем не будет?

«Няньчиться с интернами. Класс», — пронеслось в голове, отдаваясь саркастическим эхом.

— Я справлюсь, Эдвард, — голос прозвучал ровнее, чем я ожидал.

— Отлично. Надеюсь, вам у нас понравится, — он поднялся, протягивая руку. Крепкое, уверенное рукопожатие.

Я встал следом.

— Когда я могу приступить?

Уголки его губ тронула улыбка.

— Люблю деловой подход. Оформите документы, получите форму, и можете считать себя частью команды. Как закончите — зайдите ко мне. Представлю вас коллегам.

— Договорились, — бросил я и вышел, не прощаясь.

— Удачи, доктор Бейкер! — донеслось мне в спину.

Следующие несколько часов превратились в бюрократический ад. Канцелярия, отдел кадров, еще какие-то безликие кабинеты. Бумаги, подписи, печати. Наконец, получив темно-синюю униформу, халат, пропуск и ключ от шкафчика, я направился в святая святых — приемное отделение. Осмотреться. Прощупать почву.

Сначала меня никто не замечал. Я был лишь еще одним синим костюмом в суете человеческих трагедий. Но потом

начал ловить на себе взгляды — любопытные, оценивающие, настороженные. Я проигнорировал их, прислушиваясь к ритму этого места.

Надрывный вызов по селектору на сестринском посту. Экстренная ситуация. Вторая операционная. Повтор.

Я двинулся к медсестре, которая судорожно жала на кнопки, отвечая на вызов. Девушка вскинула на меня испуганные взгляд, очевидно не понимая, кто я и что мне нужно.

Пришлось подавить тяжелый вздох.

— Где вторая операционная? — голос прозвучал холоднее, чем я планировал.

Она отшатнулась, вскинув брови.

— А вы кто?

— Доктор Джеймс Бейкер. Новый заведующий травматологией.

Пустой коридор. Каждый шаг отдавался гулким эхом, напоминая, для чего я все еще дышу. Предоперационная. Я достал из кармана свою старую шапочку с мультяшными дракончиками, подарок Джона — глупая попытка ухватиться за что-то родное, что давно обратилось в пепел.

Мытье рук. Привычный ритуал. Холодная вода, запах антисептика. Я счищал не просто микробы. Я пытался смыть эхо взрывов, шепот умирающих и липкий, всепоглощающий страх собственной беспомощности.

В операционной царил управляемый хаос, готовый в любую секунду сорваться в пропасть. За столом я увидел ее. Молодая женщина-хирург. Руки едва заметно дрожали, но спина была прямой, как стальной стержень. Она боролась. Не только с рваной раной, но и с паникой, подступающей к горлу. Я узнал этот взгляд, видел его у своих ребят перед последним боем.

«Сейчас»

Я шагнул вперед.

— Что у нас здесь?

Девушка вздрогнула, и на ее лице вспыхнуло раздражение.

— Кто вы, черт побери?!

Почувствовал, как старая, въевшаяся в кости привычка к беспрекословному подчинению наткнулась на стену. Я не любил, когда со мной пререкаются. Особенно когда на кону жизнь.

Инстинкты кричали и я наклонился над столом, пропустив слова девушки мимо ушей. Разрыв селезенки, гематома почки — вот что имело значение, а не ее возмущение. «Это не поле боя, Джеймс», — шепнул себе, но руки двигались сами. Быстро. Точно. Зажим. Прижатие к артерии. Холодная, отстраненная сосредоточенность. Здесь никто не умрет. Я не позволю.

— Это мой пациент! — ее голос был резким, но уже не таким уверенным.

Я вновь проигнорировал ее, накладывая шов. Когда последний узел был затянут и кровотечение остановилось, краем глаза заметил, что дрожь в руках девушки уже унялась.

Операция закончилась в напряженной тишине. Я поднял глаза на нее.

— Доклад через два часа. Держите меня в курсе.

Она молча кивнула, и я увидел в ее глазах нечто большее, чем просто злость.

Настало время перекусить, но мысли снова и снова возвращались к ней. К этой женщине в операционной. Явно недавний выпускник, но в ее руках была точность и интуиция, которую другие оттачивают десятилетиями. Я мысленно одернул себя. Слишком много внимания одной женщине.

Кулак коснулся двери шефа. Я тихо постучал. С той стороны послышался приглушенный голос, и я расценил его как предложение войти и толкнул дверь вперед. Эдвард сидел за бумагами и устало потирал переносицу, но как только наши взгляды встретились, на его лице растянулась деловая улыбка.

— О, Джеймс, проходите, — он указал на кресло. — Кофе?

Я кивнул, рассказывая, что уже успел побывать в операционной. Мы говорили о медицине и был благодарен, что он ни словом не обмолвился об Ираке.

Дверь распахнулась, до меня донеслись торопливые шаги. Я узнал девушку по яростному блеску ярко-зеленых глаз.

Она была даже привлекательнее, чем успел заметить под слоями стерильной одежды. Невысокая, хотя у операционного стола это не бросалось в глаза. Пухлые губы, сжатые в тонкую линию. Идеальная кожа, на которой яркими пятнами горел румянец.

Я лениво откинулся в кресле и поднес кофе к губам, глядя на нее поверх края чашки.

— Пришли сообщить, как блестяще я справился и заодно поблагодарить за предоставленную возможность самостоятельно защитить кожу? — лукавая улыбка сама собой растянула мои губы.

— Ох, а вы уже успели поработать вместе? — вмешался Вудс, с гордостью глядя то на меня, то на девушку. — Доктор Рид, познакомьтесь. Это наш новый глава травматологического отделения, доктор Джеймс Салливан Бейкер.

Ее глаза метнулись от меня к Вудсу и обратно. На лице отразилось такое чистое, неподдельное недоумение, что я не выдержал и улыбнулся — на этот раз широко и открыто.

— Это... это было вопиюще непрофессионально с вашей стороны! — выпалила она. — Врываться в мою операционную, обвинять меня в некомпетентности, не представившись, оскорблять меня и...

Я резко поднял руку, прерывая ее.

— Тише, тише, доктор Рид. Зачем столько эмоций? — Мой голос сочился показным спокойствием. Я поставил чашку и посмотрел в упор. — Вам нужна была помощь?

Нужна, — ответил я, не дожидаясь ее реакции. — Я действовал в интересах пациента, пока вами управлял паника. Страху нет места в операционной. Пока вы этого не поймете, вам там не место.

Я не хотел быть засранцем. Но и подрывать свой авторитет в первый же день не собирался.

— Да что вы сказали?! Шеф, это недопустимо!

— Так, доктора, — миротворчески вмешался Вудс. — Давайте успокоимся. Главное, что пациент вне опасности и, как я понимаю, стабилен.

— Верно — процедила она сквозь зубы.

— Не без моей помощи, — не удержался я, продолжая улыбаться. — И не раздувайте так ноздри, доктор. Они вам еще пригодятся.

Я не мог удержаться и подмигнул ей. А ее лицо скривилось в гримасе.

— Вы еще пожалеете о своих словах! — прошипела она.

— Жду с нетерпением, — бросил я ей вдогонку.

Она вылетела из кабинета, кажется, силой воли пытаясь прожечь дыры в полу.

Поблагодарив шефа за кофе, я поднялся. Пора было знакомиться с остальной командой.

Глава 5 Лили

День, когда в моей жизни появился еще один самодовольный начальник, грозил стать катастрофой. Я нашла убежище в ординаторской, позволяя себе короткую передышку. Ни он первый, ни он последний. Я справлюсь. Переживу. Перетерплю.

Казалось, хуже публичного унижения ничего быть не может, но тут экран телефона вспыхнул, и по венам пронесся холод. *Мама.*

Звонок от нее никогда не сулил ничего, кроме очередной просьбы о деньгах или пьяных жалоб на жизнь. Сегодняшний лимит эмоциональных потрясений был исчерпан. Одним движением я сбросила вызов на голосовую почту и устало потерла переносицу, опускаясь на жесткий стул.

Воспоминания, которые я так старательно хоронила, хлынули наружу. Время не лечило, оно лишь строило между нами стены. У меня никогда не было по-настоящему теплых, отношений с матерью. Все детство — калейдоскоп ее увольнений, пьяных ночей и громких ссор с отцом, который то исчезал, то возвращался, будто заблудившийся гость. В те моменты, когда я отчаянно нуждалась в совете или простых объятиях, неизменно сбегала к бабушке.

Она ничего не спрашивала. Просто усаживала рядом, клала мою голову себе на колени, и ее теплые, пахнущие пирога-

ми пальцы начинали медленно перебирать волосы под тихое бормотание старого телевизора. Мне казалось, что большего тепла и нежности нет во всем мире — когда тебя понимают без слов, просто заглянув в глаза.

Я до сих пор не знаю, как у моей бабушки Тесси, женщины с безграничным сердцем, могла быть такая дочь. Мы никогда не обсуждали это. Тесси видела мою боль и берегла меня. Какое-то время я даже жила у нее, но мама устроила чудовищный скандал. Не от большой любви, нет. Просто ей нужен был кто-то, кто будет поддерживать порядок в доме и убирать следы очередного запоя.

После, было миллион извинений и пустых обещаний. «Я брошу, милая», «Это последняя рюмка», «На новой работе все будет иначе». Она даже предлагала отдавать зарплату мне, чтобы не было соблазна ее пропить. Все тщетно. Когда я сказала, что буду поступать в медицинский, ее первой реакцией было не удивление, а холодный вердикт: «Это нам не по карману». Будто я рассчитывала на ее помощь.

Зато моя Тесси... Когда я поделилась с ней мечтой, ее глаза наполнились слезами гордости. Она достала старую жестяную коробку из-под печенья, где хранила свои скромные сбережения, и твердо сказала: «Мы справимся, цветочек мой. Я помогу».

Мы и сейчас созваниваемся почти каждый день. Именно ей мне хотелось выплеснуть все, что накопилось за сегодня. Но я сдержалась. Тесси слишком близко к сердцу принима-

ла все мои невзгоды, от того, мне не хотелось волновать ее, зная, как она переживала за меня все годы учебы и интернатуры.

Я уже слышала ее мягкий голос в своей голове: *«Не торопись с выводами, цветок мой. Ты никогда не знаешь всех причин, по которым человек поступает так, а не иначе»*. Чаще всего она была права. Но мой врожденный темперамент и уязвленная гордость не давали разуму взять верх.

Да, сейчас мне было нелегко, но я добилась уважения. Моя работа, карьера — все это было построено на фундаменте из упрямства и воли. Без них я бы не прошла и половины пути.

Собравшись с силами, надела маску отстраненной невозмутимости и доработала смену, стараясь ни с кем не пересекаться.

Позже шеф все-таки собрал нас, чтобы представить нового бога травматологии. Я видела, как загорелись глаза у некоторых моих коллег. Слышала приглушенный шепот и хихиканье о том, каким он, должно быть, является любовником. Скрестив руки на груди, я демонстративно смотрела в стену. И все же что-то заставило меня поднять взгляд. Он смотрел прямо на меня. С той же самодовольной, снисходительной ухмылкой.

Я лишь холодно усмехнулась в ответ, развернулась и пошла прочь. Улыбка Джеймса не предвещала ничего хорошего. Нужно было просто переодеться, уйти домой, лечь в го-

рячую ванну и смыть с себя этот проклятый день.

Уже на выходе из больницы, погруженная в свои мысли, я не смотрела по сторонам и врезалась в твердую, как стена, грудь. От неожиданности сумка выпала из рук, и ее содержимое разлетелось по плитке.

— Ох, простите, я вас не заметил! — приятный мужской голос вывел меня из ступора. Незнакомец тут же присел на корточки, помогая мне собрать вещи.

— Ничего, это моя вина, — пробормотала я, торопливо сгребая все обратно в сумку.

Наспех поблагодарив его, почти бегом добралась до своей машины. Мотор взревел, и я рванула с парковки. Завтра новый день. И никакой самовлюбленный доктор Бейкер не выбьет меня из колеи. Я не позволю.

Глава 6 Лили

На следующее утро я долго стояла под душем и мысленно настраивала себя на новый день, хотелось чтобы он прошел более мягко и штатно, чем предыдущий. Для себя я решила максимально избегать контактов с доктором Бейкером. Больница большая, отделений много и спрятаться в ней не составлял труда. Единственное, что не подчинялось моей логике, так это то, что он все же глава отдела, а мы были одним из ведущих центров травматологии и трансплантологии, так что придется как-то находить силы в себе и не вступать с ним в конфронтацию, если я все же хочу работать дальше и учиться в хирургии.

Приехав в больницу ранним утром, обрадовалась, что из наших ординаторов пока никого нет. Все же я еще не отошла после вчерашнего и хотелось немного побыть в тишине. К сожалению, тишина была недолгой и в дверях я увидела Эмили.

— Привет.

— Привет,— отстраненно проговорила я.

— Лили, прости за вчерашнее, я даже не могла подумать, что это была ты и..

— Забудем об этом,— резко ее перебила.

— Ладно, — внимательно наблюдая за мной, ответила Эмили.

— Я сегодня дежурю, хотелось бы не думать об этом при-
дурке, а сосредоточиться на деле.

— Да, ты права, у меня сегодня несколько консультаций
в кардиологии, если что, заскакивай, поболтаем.

— Конечно. Я захлопнула свой шкафчик, закинула жева-
тельную резинку в рот, завязала высоких хвост и вышла из
ординаторской.

На встречу мне шла Пирс и вскинув брови, сразу загово-
рила:

— О, отлично, тебя как раз я и ищу, ты сегодня работаешь
с Бейкером, он ждет тебя на 4 этаже возле палаты 412.

«Дерьмо»

Ну что еще ему от меня нужно? Я чувствовала, как опять
начинаю выходить из себя, но сделала несколько глубоких
вдохов и выдохов, повторяя как мантру «я профессионал».

Мне очень не хотелось выходить из своего мыльного пу-
зыря. Он весь такой розовенький и красивый, что рушить его
для меня было крайне непостижимо. А почему? Потому что
я ненавидела людей, которые стоят выше меня на карьерной
лестнице и открыто при всех показывают свое превосходство
перед другими, унижая их. Для меня таким был этот доктор
Бейкер.

Ладно, очередное испытание в мою копилку. Я поднима-
лась по лестнице крайне медленно чтобы как можно дольше
оттянуть неизбежное..

Вышла сразу в открытый холл отделения травматологии,

из панорамных окон лился тёплый солнечный свет, который хоть и немного, но успокаивал кипящее внутри раздражение. На стойке ресепшена уже расположился мой мучитель, который смеялся и разговаривал с медсестрами, а те, так и заглядывали ему в рот. От этого зрелища я вся скривилась.

Доктор Бейкер перевел взгляд на меня, и все так же улыбаясь, произнес:

— Доктор Рид, доброе утро, выглядите очень хмуро. — Его взгляд задержался на моем лице чуть дольше.

Я проигнорировала его замечание, и даже старалась не смотреть на него:

— Вы звали меня, я пришла.

— О да, так как обнаружилось, что вы теряетесь в экстренных ситуациях, я решил позаимствовать вас у шефа на некоторое время, чтобы решить эту проблему.

Я закатила глаза и сказала: — На какое время?

— На столько, насколько это потребуется и, если вы перестали закатывать глаза, мы можем начать работу, если не возражаете.

Он протянул мне карту пациента. — Изучите историю, обход через 15 минут.

Боже, зачем он вообще ко мне пристал? Нехотя я взяла бумаги и начала изучать их, нервно потирая переносицу. На самом деле, я не очень любила травматологию, люди там всегда работали быстро и грязно. Сложить воедино кости, мышцы, суставы, оторванные конечности, для меня перспективы

мало. Я еще не решила с каким направлением связать свою судьбу, благо ординатура длилась пять лет, была достаточно обширна и давала возможность действительно понять свои сильные стороны.

Я изучила случай, когда за спиной слышались шаги, а в нос ударил знакомый аромат, который был приятен, в отличие от его владельца.

— Вы готовы? Или вам дать дополнительное время?

— Не стоит, доктор Бейкер. — Схватив историю и мельком окинув мужчину перед собой взглядом, я пошла в сторону палаты пациента.

Как я и сказала, травматология мало меня интересовала, но солнечная сторона отделения всегда привлекала, повышая настроение, не смотря на пациентов, которые здесь лечились.

Вип палата была достаточно просторной, светло-желтые стены, большое окно, телевизор, удобное кресло и вазы для цветов. Я остановилась возле пациента вместе с другими врачами, которые встали справа от меня. В их числе мой интерн, еще несколько других ординаторов и Бейкер.

— Итак, пациентка Луиза Мэй, 31 год, оскольчатый закрытый перелом бедренной кости со смещением в виду аварии на мотоцикле, в данный момент находится на обезболивающих. Перед операцией нужно ввести дозу антибиотиков, она запланирована на 8 утра. Ранее был тромбоз из-за проемов противозачаточных, получает антикоагулянты.

«Как скучно»

Я машинально подняла взгляд на Бейкера. Он не улыбался. Он усмехался. И в его глазах я прочла пугающую уверенность — он знал. Он, черт возьми, читал мои мысли.

— Отлично, Луиза. Мы с доктором Рид будем вас оперировать. — Голос Бейкера был бархатным и обволакивающим. — Если появятся вопросы или станет страшно, не стесняйтесь, зовите доктора Рид. Она с *огромным* удовольствием на все ответит.

Он небрежно махнул рукой в мою сторону, не отрывая взгляда от пациентки. И этот взгляд... в нем было столько внимания, что любая женщина растаяла бы. Бейкер даже положил свою широкую ладонь на ее руку, придавая словам вес и интимность. Он был дьявольски хорош собой, и пользовался этим как последняя задница. Глаза Луизы мечтательно заблестели. Мои же, мысленно закатились так сильно, что я увидела собственный мозг.

Из последних сил мне пришлось натянула на лицо маску воодушевления. Указание было настолько унижительным, что предназначалось скорее интерну-первогодке, а не ординатору третьего года. — Спасибо, доктор Бейкер, — проворковала Луиза, томно хлопая ресницами.

Он развернулся к выходу, и поравнявшись со мной на мгновение замер. Его лицо оказалось так близко, что дыхание обожгло кожу на виске.

— Ваша улыбка больше смахивает на оскал, доктор Рид. Над этим еще предстоит поработать, — прошептал он так, чтобы слышала только я. — Жду в операционной.

Не дожидаясь ответа, он вышел, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и моего безмолвного гнева.

Губы сжались в тонкую нить, а челюсти стиснулись до скрипа. Сиплый голос Луизы вырвал меня из ступора.

— Я так боюсь... Доктор, скажите, а я скоро смогу снова гонять на байке с моим парнем? А ходить по магазинам на каблуках? А то если...

Она тарахтела без умолку о проблемах с выбором туфель и невозможности сделать педикюр, а в моей голове бушевал ураган проклятий. Костяшки пальцев, сжимавшие планшет, побелели.

Чертов. Бейкер.

Я потратила на пустую болтовню драгоценные пятнадцать минут, которые могла бы провести в кофейне, настраиваясь на битву. Кофе я все же успела выпить, лихорадочно прокручивая в голове пути отступления из этого отделения. Бейкер явно испытывал меня на прочность, и я не знала, как долго смогу продержаться.

Операция проходила в напряженной тишине. На все его вопросы я отвечала односложно, отточенными фразами из учебников, стараясь не дать повода для очередной стычки. И как бы он мне не нравился, я не могла не признать: Бейкер был гением. Его руки двигались с невероятной точностью и

чистотой. Ни одного лишнего движения. Даже когда он устанавливал аппарат внешней фиксации — грубую металлическую конструкцию, — его движения оставались изящными, а руки, вкручивающие спицы в кость, оставались твердыми и уверенными.

Он поймал мой взгляд.

— Любуетесь, доктор Рид? — голос под маской звучал насмешливо.

— Слежу за ходом операции, доктор. Не более, — отрезала я, заставив себя посмотреть ему в глаза, а затем снова на рану.

— Правильно. Не отвлекайтесь. Не хотите же пропустить самое интересное? Может, скоро я позволю вам самой установить такой аппарат. Посмотрим, на что вы способны.

— При всем уважении, доктор Бейкер, меня не интересует травматология. И если вы не возражаете...

— Конечно, возражаю, — перебил он холодно. — Я обещал шефу, что выведу вас из ступора, в который вы впадаете в экстренных ситуациях.

— Я не впадаю в ступор! — щеки вспыхнули от унижения. — И это, — я ткнула пальцем в сторону стерильного поля, — плановая операция, а не экстренная ситуация.

— Что ж, — он даже не посмотрел на меня, обращаясь к моему интерну. — Тогда доктор Чак займет ваше место и будет ассистировать мне с окончательной фиксацией. А вы, Рид, проследите за пациенткой в послеоперационной. Будете

докладывать мне о каждом анализе.

Одна минута. Всего одна гребаная минута, и он снова это сделал. Вывел меня из себя так, что поджилки затряслись от ярости. Бросив на него испепеляющий взгляд, я развернулась и, сорвав с себя маску, вылетела из операционной.

На ходу срываю с волос шапочку и отбрасываю в сторону. Тут же меня встретил прохладный воздух коридора, которым я жадно наполнила легкие, пытаюсь потушить пожар, бушующий внутри. Пальцы сами собой впились в затекшую шею, разминая мышцы.

К черту.

Если он хочет войны, он ее получит.

Я вышла из стерильного операционного блока, направляясь в кафетерий. Мне нужна была броня, а для этого требовались калории и кофеин. Я давилась безвкусным сэндвичем и запивала его кофе, черным, как полоса моей жизни, которая началась с приходом Бейкера. Операция уже должна была закончиться. И точно: в дальнем конце зала я увидела своего интерна, Оливию. Она стояла в центре кружка восторженных почитателей, оживленно пересказывая нашу с Бейкером перепалку и с гордостью хвастаясь, как *она* ставила фиксатор. В груди шевельнулся укол раздражения, смешанный с горьким привкусом узнавания. Всего пару лет назад я была такой же.

— Оливия, где история болезни?

Интерн подпрыгнула на месте, услышав мой голос.

— О, доктор Рид, сейчас! — и она упорхнула к посту анестезиологов.

Я с силой потеряла переносицу, пытаюсь собрать мысли для заполнения карты назначений. Оливия вернулась, и ее звонкий голос неприятно резанул по нервам.

— Пациентка уже в послеоперационной! Доктор Бейкер так быстро закончил, представляете? И он сдержал слово, дал мне закончить фиксацию после вашего ухода. Это было так круто!

— Оливия, карту, — процедила я ледяным тоном, не глядя на нее.

Она протянула мне планшет и встала за спиной, жадно заглядывая через плечо, чтобы не упустить ни одной моей записи. Я пробежалась по назначениям, внесла несколько корректировок и направилась в послеоперационную палату. Быстрый шаг по гулким коридорам, мимо суесящихся интернов и медсестер, мимо жизней, которые текли своим чередом. Этот упорядоченный хаос мне нравился. Мы все были частью одного организма, единого пульса больницы, быющего ради одной цели.

Я вошла в палату одна, отпустив Оливию на обед. Всегда предпочитала проверять пациентов в тишине, наедине со своими мыслями и ритмичным писком аппаратуры. Эти звуки — наша мелодия, саундтрек жизни и смерти, где мы отчаянно пытаемся заставить музыку играть вечно.

Показатели Луизы были стабильны. Сердце билось ровно

— 85 ударов в минуту, анализы в норме. Можно было смело снимать ее с аппарата ИВЛ. Подготовив все необходимое, я перевела ее на носовые канюли. Через пятнадцать минут тихо позвала:

— Луиза, это доктор Рид. Вы меня слышите?

Она с трудом разлепила веки, растерянно моргая.

— Все прошло хорошо, вы в послеоперационной палате, — я посветила ей в глаза фонариком, проверяя зрачковый рефлекс.

— А где... доктор Бейкер? — сморщившись, прохрипела она.

Ну конечно.

— Он скоро подойдет. Вашим лечащим врачом назначена я. Судя по всему, вы чувствуете себя неплохо. Я зайду через час. Старайтесь не спать и понемногу пейте воду, — на автомате тараторила я, осматривая повязки и проверяя рефлекс на прооперированной ноге.

Луиза что-то невнятно пробормотала и снова провалилась в дрему. Я вышла и направилась к сестринскому посту, где, как уже знала, найду Бейкера. Он хмуро склонился над планом операций, и я на секунду отметила, что в молчании он выглядел почти сносно.

Набрав в легкие побольше воздуха, кашлянула, чтобы привлечь внимание. Он поднял на меня тяжелый, непроницаемый взгляд.

— Что? — бросил доктор Бейкер и снова уткнулся в бу-

маги.

— Вы просили докладывать. Пациентка Мэй стабильна, экстубирована. Дыхание самостоятельное. Что-то еще?

— Да. Жду следующий доклад через час.

Фыркнув, я резко развернулась и ушла прочь, пока не сказала того, о чем пожалею. Нужно было срочно себя чем-то занять. Я спустилась на третий этаж, в родное хирургическое отделение, и нос к носу столкнулась с Алексом, который, судя по виду, тоже только что вышел из операционной.

— Лили! Ты не поверишь! Шеф назначил пересадку почки, и угадай, кто будет сшивать сосуды! Я! — пропел Алекс, победно обходя меня и направляясь в ординаторскую. — Ты чего такая кислая? Пойдем, у меня есть пятнадцать минут.

— Пойдем.

Я поплелась за ним, горько размышляя, почему у одних — грандиозные операции, а у других — унижительные доклады каждый час. Алекс беззастенчиво выудил из холодильника чужой сэндвич и принялся его уплетать. В этот момент в ординаторскую впорхнула стайка новых интернов — совсем юные, зеленые девчонки. Друг тут же начал пожирать их глазами.

— Алекс, прекрати. Выглядишь жалко, они же дети.

— Шутишь? Вон та, с кудряшками, очень даже, — он кивнул в сторону симпатичной латиноамериканки. — И вообще, ты мне не мамочка, Лили.

— Да что с тобой? Нам с ними работать. Не гадь там, где

ешь, — я кивнула на крошки, которые он сыпал на пол. — В буквальном смысле.

— Ой, брось. Ничего серьезного. Я устал от заморочек, — дожевывая, бросил он.

— А как же Эмили?

— Нет никаких «нас с Эмили». Если она себе что-то напридумывала после пары пьяных поцелуев — это ее проблемы.

Тут в комнату ворвалась Джинни, и Алекс с явным облегчением отвернулся к своему шкафчику, спасаясь от неудобного разговора.

— О, приветики! Ну что, кто уже успел оценить нового красавчика-травматолога?

Я закатила глаза. Джинни была права насчет внешности, но для меня его заносчивость перечеркивала все.

— Джинни, не начинай. Он невыносим.

— Да-да, но согласись, он чертовски хорош. Я бы с ним... — она игриво повела бровями.

Я изобразила рвотный позыв.

— Ой, да ладно, у тебя что, глаз нет? И врач он от бога, это сразу видно, — подмигнула она.

— Хватит. У меня уже есть кое-кто на примете. Может, даже на свидание схожу.

— А, тот парень из бара? Смутно помню. Ну, он тоже ничего.

— Тебя давно в гинекологию не вызывали? Рождаемость

в городе резко упала?

Джинни обиженно фыркнула.

— Злюка! — Она распахнула холодильник. — Эй, Алекс! Это ты опять сожрал мой обед?!

Я усмехнулась, слушая их привычную перепалку. Чтобы убить время, я нашла свободный компьютер и погрузилась в медицинские журналы. Это была редкая роскошь — остров спокойствия посреди хаоса, возможность обновить знания. Прошло минут сорок. Я потягивала горячий чай, глаза уже начали слипаться, как вдруг тишину разорвал резкий, пронзительный писк моего пейджера.

«Палата 412. Код синий».

Черт!

Сердце пропустило удар и тут же пустилось вскачь, пуская в кровь ледяной адреналин. *Нет. Только не она.* Все же было в норме.

Срывая с себя халат на ходу, я вылетела из ординаторской. Ноги сами несли меня к палате, а в голове стучало одно, как молитва, как проклятие:

«Держись, Луиза, слышишь? Просто дыши. Не смей умирать».

Я ворвалась в палату, но наткнулась на стену из синих спин медсестер. Оглушительный, панический вой монитора, показывающего дикую тахикардию, бил по ушам. Рассмотреть что-либо было невозможно.

— Прочь! Дайте пройти! — я растолкала их, пробиваясь

к кровати.

Луиза. Она полусидела, вцепившись пальцами в горло, и судорожно хватала ртом воздух. Из груди вырывались хриплые, булькающие звуки, а в глазах застыл первобытный, животный ужас.

— Что случилось? Час назад все было стабильно! — крикнула я, прижимая холодную мембрану стетоскопа к ее груди. Сердце колотилось в бешеном, рваном ритме. Мое собственное сердце вторило ему, подпрыгивая к самому горлу. — Луиза, все будет хорошо, мы рядом!

Я задержала дыхание. Старая, вьевшаяся под кожу привычка — мой способ замедлить панику, заставить мозг работать четче в окружающем хаосе. Руководители ругали меня за это, твердили о гипоксии³, но мне всегда было плевать. Это работало.

Взгляд метнулся к монитору. Давление и сатурация стремительно падали.

Тромбоэмболия.

Черт.

И тут же ровный ритм тахикардии на экране сорвался в хаотичный, смертельный танец фибрилляции. Лицо Луизы начало синеть, глаза закатились. Не раздумывая, я нанесла резкий, отточенный удар в центр ее грудины.

— Реанимационную тележку, живо! Адреналин, атропин, быстро! Вызовите Бейкера!

³ (прим. автора - нехватка кислорода в тканях)

Мои руки легли ей на грудь, и я начала качать. Раз-два-три. Мир сузился до этого ритма, до отчаянной задачи заставить мертвое сердце биться. Я видела, как медсестра ввела препараты в подключичный катетер и молилась кому угодно — богу, дьяволу, самой судьбе, — чтобы они вернули ее. В эту секунду я простила ей все: и высокомерие, и глупость. Только живи.

Подкатали тележку.

— Заряд двести! Руки прочь!

Разряд!

Тело Луизы выгнулось дугой и безвольно опало. На мониторе — ровная, безжалостная линия.

— Так, хватит с меня потерь на сегодня! Ты не умрешь! — прорычала я, сама не узнавая свой голос. — Еще адреналин! Заряд триста!

Разряд!

Ничего. Прямая линия.

Я отшвырнула электроды и снова навалилась на ее грудь.

— Раз, два, три! — капли пота потекли по спине, руки горели огнем, но я продолжала, как заведенная. — Раз, два, три! Ну же, давай!

Пятнадцать минут. Пятнадцать бесконечных минут отчаянных, яростных попыток. В такие мгновения ты готов продать душу за еще один удар сердца на мониторе. Отчаяние — самый страшный яд для хирурга. Он парализует всех вокруг. Я оглянулась: интерны и медсестры застыли, молча и

испуганно глядя на меня.

— Раз, два, три! Давай! Заряд триста шестьдесят!

Я снова схватила дефибриллятор.

Разряд!

В палату вошел Бейкер. Его низкий, стальной голос разрезал напряженную тишину.

— Что здесь происходит?

Он увидел, как я снова опустилась на колени, чтобы продолжить массаж сердца.

— Сколько времени прошло с начала реанимации?

— Тридцать минут, сэр, — пискнул один из интернов.

Джеймс подошел вплотную. Я подняла на него безумный, умоляющий взгляд.

— Это тромб, послеоперационное осложнение! Я спасу ее! Я спасу!

Он резко перехватил мои запястья, останавливая движение. Его хватка была как стальные тиски.

— Лили, остановись. Все. Она ушла. Объявляй время.

— Нет! — я пыталась вырваться, но он держал крепко. — Нет, еще немного, сейчас получится!

— ЛИЛИ! — он встряхнул меня, заставляя сфокусироваться. — Посмотри на меня. Ее не вернуть. Ты сделала все, что могла.

Нет. Нет. Нет.

Это было нечестно.

Я обмякла в его руках. Вся мокрая, красная, разбитая.

Оглядела палату, полную сочувствующих взглядов, волна унижения поднимается к горлу. Чтобы не рухнуть окончательно, я заставила себя выпрямить спину. Снова задержала дыхание на пару секунд. Посмотрела на часы.

— Время смерти... 13:23.

Я подняла глаза на Джеймса. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на сомнение, словно он хотел положить руку мне на плечо, но не решился. Проигнорировав его мимолетный порыв, я развернулась и твердым, деревянным шагом вышла из палаты.

Пустота. Звонящая пустота в ушах. Руки мелко дрожали от напряжения. Но хуже всего было чувство в груди — всепоглощающая, удушающая никчемность. Ее черные щупальца сжимались вокруг моего сердца, шепча: «Ничтожество». Она убивала меня. Каждый. Чертов. Раз.

Я просто шла, не разбирая дороги, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. Побежала, зажимая рот рукой, нашла безлюдный закуток на улице и согнулась пополам. Меня вывернуло наизнанку. Отвратительно. Спазмы сотрясали тело, пока в желудке не осталось ничего, кроме горькой желчи. Выпрямившись, я провела по мокрому лбу, все ещё дрожащими руками

— Ты не виновата.

Низкий голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Я медленно обернулась и выругалась про себя.

Только не он. Неужели он все это видел?

— Что, пришли добить? — в моем голосе звенело презрение. — Можете не утруждаться. Я и без вас себя ненавижу.

— Меня не впечатляет рвота, если ты об этом. Потери бывают у всех.

— Давайте! — я перебила его, выставив руку. — Скажите еще, что это просто работа! Что если не научусь справляться, вы вышвырнете меня из программы!

Джеймс удивленно приподнял бровь и сунул руки в карманы.

— Нет. Я не настолько чудовище. Но да, это работа. У пациентки была долгая иммобилизация⁴, старый тромб оторвался. Это не твоя ошибка. Это просто случилось.

— Не нуждаюсь в ваших лекциях, — отрезала я. — Надеюсь, теперь мне не придется докладывать вам каждый час. Видеть вас больше не могу.

Я развернулась и пошла в обратном направлении все так же стараясь унять дрожь, обхватывая себя руками.

Обошла больницу с другой стороны, где больше не было медицинского персонала, и унимая быстрое дыхание, села у стены. Опершись спиной о холодный камень, я наконец-то позволила слезам прорваться наружу. Они текли тяжёлыми каплями, оставляя на щеках жгучие дорожки. В гуле собственного дыхания я казалась себе обломком, не успевшим найти место под солнцем. Душа, словно стекло, трес-

⁴ (прим. автора: длительное нахождение конечности в одном вынужденном положении)

калась от каждого прикосновения, и я боялась, что однажды превращусь в осколки «профессионала», которого сама же и ненавидела. Оставалось только слушать, как сердце бьётся в груди — и слышать его внимательнее, чем любой другой голос.

Глава 7 Джеймс

Когда я вышел из операционной после нескольких операций подряд, то ощутил, как ноют мышцы. Между ними, я осваивал электронные карты, которые меня изрядно бесили и несколько раз вылетели, не сохранив вообще ничего. Черт. В такие моменты я скучал по Ираку, где такой ерунды просто не было. Благо на помощь мне приходили молодые врачи, а точнее сказать докторицы с милыми улыбками, в которых читался откровенный флирт, но я старался их игнорировать, потому что хотел быстрее влиться в работу.

Я уже составлял график плановых операций на завтрашний день, когда услышал вызов в послеоперационную палату, где никак не ожидал увидеть ту картину, что предстала передо мной. Запах лекарств, пота и отчаяния мне как нельзя кстати знакомы.

Когда я услышал вызов в палату Луизы, сразу почувствовал, что дело плохо. Я проскользнул мимо встревоженных лиц и сразу же сосредоточил внимание на показателях монитора — ровная линия, которая рушила все надежды. Тридцать минут без единого ответа как сказали мне медсестры, которые находились в палате: синюшность лица, розовая пена изо рта... В голове всплыло одно слово: тромбоз.

В памяти воскресли собственные первые попытки реанимации, когда каждая секунда казалась мучительной вечно-

стью, а каждый компрессионный толчок — маленькой попыткой обмануть смерть.

Лили продолжала сражаться на механическом уровне, не замечая ничего вокруг, будто её руки были проводниками в жизнь. Я видел, как напряжение пульсирует у неё в глазах, как из тонких запястий вырывается невероятная сила. В её движениях угадывались знакомые мне неумолимая ярость и сопротивление, когда поражение воспринимается как личное унижение.

Я наблюдал за Лили, но понимал, что эту борьбу стоит прекратить. Она была будто бы в трансе, где ни на секунду не хотелось уступать. В каждое мгновение, когда она ещё раз накладывала ладони, мне вспоминалась собственная история — сколько раз я упорно продолжал, не в силах признать бессилие. И всё же любой бой, каким бы отчаянным он ни был, когда заканчивается кровью и тишиной, требует одного: ясно признать результат.

Она глубоко вдохнула, словно пытаясь забрать себе весь воздух, но пустота в палате никуда не исчезла. В её дрожащих руках таилась надежда и скорбь одновременно. Я видел, как внутри неё гаснет сопротивление — последний рубеж перед принятием неизбежного.

В этот момент я ощутил знакомое щемящее чувство — стыд и облегчение одновременно. Стыд за то, что не удалось спасти пациентку и облегчение за то, что борьба закончилась. Теперь оставалось только дать Лили пространство, по-

сле того, как я заставил её произнести время смерти.

Она опустила взгляд, развернулась и прошла мимо. Я понимал, что ей необходимо пространство, но все равно последовал за ней. Шёл тихо, с трудом поспевая за её быстрыми шагами.

Через несколько поворотов и коридоров, она вышла на улицу подбежала к дереву и, согнувшись пополам, исторгла все содержимое желудка. Я смотрел на нее сквозь прозрачные двери, чтобы дать немного пространства. Но пару мгновений спустя, все же решился подойти. Она хоть и выглядела достаточно молодо для своих лет, но она была настоящим бойцом, которая не сдавалась до конца. Интересно, как она пришла к этому? И какие битвы ей удалось выиграть, а какие проиграть...

Все же надеюсь, что побед в жизни Лили больше, но судя по реакции на смерть пациента, все же не привыкла сдаваться или просто не умела. Я засунул руки в карман, дожидаясь, пока ее отпустит от рвотных позывов. Хотя даже сам не понимал, почему захотелось пойти за ней и поддержать. К черту. Подумаю об этом позже. Когда она выпрямилась я сказал:

— Ты не виновата.

Она выпрямилась и что-то пробормотала себе под нос:

— Что, пришли добить? — не скрывая презрения в голосе, ответила она. — Можете не утруждаться. Я и без вас себя ненавижу.

— Меня не впечатляет рвота, если ты об этом. Потери бы-

вают у всех.

— Давайте! — Она взмахнула руками и сделала шаг вперед. Пришлось опустить голову, чтобы тут же встретиться с зелёными, искрящимися от гнева глазами. — Скажите еще, что это просто работа. Что если я не научусь справляться, вы вышвырнете меня из программы!

От удивления, я поднял бровь. А она смелая. Не многие люди могут так разговаривать с начальством, и не многим я в принципе позволял так говорить со мной.

— Нет, я не настолько ужасен и да, это работа. Тут ничего не поделаешь. У нее была долгая иммобилизация конечности, скорей всего тромб, что был у нее раньше, оторвался. Она погибла не из-за тебя. Так произошло, это надо пережить.

— Не надо утруждаться, — она вскинула руку передо мной. — Надеюсь, что вам больше не нужно докладывать каждый час, потому что я видеть вас не могу.

Я не успел ничего ответить, она развернулась и ушла, оставив лишь свой аромат. Белые цветы, чай и мускус. Редкое сочетание для девушки. Обычно они пахли чем-то приторно сладким, конфетами, шоколадом и были похожи одна на другую. Но не она. Я смотрел, как маленькая фигура повернула за угол и скрылась. Видимо ей нужно было собраться. Я встряхнул головой, чтобы уйти от мыслей, которые меня одолевали и направился обратно в отделение.

На пути меня встретила медсестра и спросила:

— Доктор Бейкер, приехали родители Луизы Мэй, мне связаться с доктором Рид, чтобы она оповестила их?

«Нет»

— Нет, не стоит, я скажу им. Спасибо Рита.

Её щеки вспыхнули, она развернулась и украдкой поглядывая на меня, ушла к медсестринскому посту.

Ладно. Потерев шею, я вышел в общий холл, где располагалась зона ожидания и сообщил родителям Луизы, что она умерла после послеоперационных осложнений и что мы сделали все, что могли. Пожалуй, эта заученные фразы. Но, когда ты в эпицентре этой схватки между жизнью и смертью, то именно они спасают твою психику. Закаляют её. Знаете, почему они одинаковые? Почему мы учим молодых врачей говорить именно это? Говорить чётко, без лишних слов и оборотов?

Чтобы знали, что *действительно* сделали все, что могли. Чтобы научились делать все и даже больше, несмотря на боль в глазах людей, которые потеряли близкого человека.

Да, через десять лет после работы в стационаре, мы уже не люди - роботы, осталась одна оболочка. Нас не пугают оторванные конечности, гниющие раны, или распадающиеся опухоли, но беседы с родственниками, они пугают нас до костей. И как бы мы не пытались это скрыть. Знайте, наши поджилки по прежнему трясутся.

Самое главное вовремя уйти, дать возможность родителям оплакать потерю и самому не упасть к их ногам, прося

прощения за то, что не смог спасти их дочь.

Мне хотелось исправить график, дать Лили день перевести дух, не дергать. Сейчас ей как никогда нужно окрепнуть, и пусть у нас есть разногласия, мне не за чем испытываю её на прочность.

Но когда я попытался это сделать, то старший ординатор со всем непониманием и раздражением уверила меня, что она не просто так составляет план распределения и по собственному желанию менять их нельзя вне зависимости от чувств докторов. Чувств? О чем это она? Я то думал, что глава травматологии может что-то решать. Похоже это не так.

Я надеялся следующий день пройдет немного полегче, но шеф перехватил меня перед планёркой и сказал, что поступил ребенок с раком большеберцовой кости и я понял, что этот день только начинается.

На обходе я не видел Лили, хотя постоянно себя одёргивал, когда вспоминал глаза цвета хвойного леса. Надо сосредоточиться на плане по этому ребенку. С детьми я всегда ладил плохо, так что выдержка нужна мне не только для общения с родителями, но и с самим ребенком.

Я поднял взгляд, когда услышал приближающиеся шаги. Это была Лили. Теперь она смотрела мне прямо в глаза, но сам взгляд, он был каким-то отрешенным, не живым. Она попыталась скрыть красноту век косметикой, но я все равно заметил. В экстренных ситуациях, можно узнать людей ближе, чем за несколько лет общения, и я узнал. Для таких

как Лили слезы - проявление слабости, а не человечности. Смешно. Судя по тому, что я увидел, эта девушка была намного сильнее большинства реальных мужчин.

— У нас ребенок с раком. Палата 437. – Твердо сказал я, вместо приветствия.

Лили молча перевела взгляд сначала на историю болезни потом на меня. Поняв молчаливую просьбу я пододвинул бумаги к ней. Она открыла их и тут же начала читать, погружаясь в последние данные анализов и статус болезни. Я смотрел и видимо делала это слишком долго, потому что, когда Лили подняла на меня взгляд, её бровь вопросительно изогнулась. Господи боже, я паялся?

Чёрт.

Я направился в ординаторскую, чтобы дать Лили немного пространства, а заодно выпить кофе. С утра здесь не протолкнуться. Комната была довольно светлой, с синими диванами, стульями и всем необходимым, чтобы перевести дух между операциями, общением с пациентами и бумажной рутинной. Кто-то досыпал после дежурства, не смотря на бурное общение вокруг, обсуждая операции, новые технологии, прошедший матч по бейсболу и еще кучу всего. Сколько жизни и беззаботности было в этих людях. Наверно я чертовски отвык от этого всего, от комфорта и коллектива, от консилиумов. Найдя пустую кружку, я налил кофе, все еще погруженный в свои мысли.

— Тут довольно шумно, но ты быстро привыкнешь. – Бод-

ро сказал подошедший мужчина. Я посмотрел в его сторону. В очках, русые волосы, взбитого телосложения, примерно моего возраста. По- моему я его видел, но совсем не запомнил как и большинство персонала в больнице. — Я Майкл, работаю в пластике. — во все зубы улыбнулся он, поднимая свою кружку с кофе.

— Привет Майкл.

— А ты не сговорчивый. Ничего. По началу тут все кажется хаусом, но потом адаптируешься. — Не смотря на моё отсутствие заинтересованности, говорил он.

— Да уж. Сложно веритьяся. — Я поднёс к губам кофе и еще раз окинул взглядом других докторов, многие из них смотрели на меня в ответ. Ненавижу чувствовать себя белой вороной. Я наспех выпил горький кофе, чтобы больше не быть в центре внимания, вышел из ординаторской и по коридору направился прямиком в палату.

Лили уже была там и о чём-то болтала с родителями мальчика. На месте разбитого доктора, сейчас красовался собранный профессионал. Я наблюдал за ней несколько минут, прежде чем войти в палату. Повернувшись на шум, она снова нахмурилась и отступила в сторону.

— Доброе утро, я доктор Бейкер, лечащий врач вашего сына. — Я протянул руку родителям. Они пожали ее поочередно и с усталой улыбкой поприветствовали меня в ответ.

— Мэтью Пери, 5 лет, остеосаркома большеберцовой кости 3 стадии. Поступили в связи с паллиативным лечением

и последующим облучением. — Начала свой рассказ Лили.

— Но мы можем провести более радикальный вид лечения, доктор Рид. — перебил я.

Все глаза устремились в мою сторону.

— О чём вы? — Сказала мать ребенка переглянувшись со своим мужем, который держал ее ладонь в своих руках.

— Мы попробуем помочь Мэтью, — начал я, — хочется сохранить подвижность и функциональность ноги, поэтому мы попробуем облучить участок пораженной кости и поставить ее обратно.

— Но этот метод мало изучен, и он экспериментален, не факт, что он поможет. Лучше уж ждать донора подходящего возраста и телосложения, чем так рисковать. — парировала Лили с возмущённым тоном.

— Да, но я видел клинические испытания в Европе, и они довольно успешны.

— На мой взгляд «довольно» не совсем достаточно для нашего случая.

— Это решать не вам доктор Рид, а комитету по этике, и если хотите обсудить план лечения, внимательно вас слушаю. — Я поднял бровь.

— Тогда можно вас на 5 минут, доктор Бейкер?

— Разумеется. — Я улыбнулся встревоженным родителям и мальчику, который перебирал в руках небольшой паровозик.

Как только мы вышли за пределы палаты, Лили тут же на-

чала свою тираду, вперившись в меня ледяным взглядом.

— Почему вы не придерживаетесь плана? Это довольно рискованно с учетом ситуации, в которой оказались эти люди! Маленький мальчик совсем может потерять конечность после осложнений и ослабленного иммунитета! А родители? Они заслуживают шанса на время с ним! — Лили металась между палатой и мной. — Саркома очень опасна, тем более в таком маленьком возрасте! — Быстро тараторила она.

— Как вы и сказали доктор Рид, эти люди действительно заслуживают шанса на нормальную жизнь, и я понимаю ваши опасения по поводу операции, но разве этот маленький мальчик и эти родители не хотят провести больше времени вне больничных палат? — Я взял её за локоть и мою руку охватил жар. Сглотнув, я указал на семью через прозрачное окно. — Разве не стоит бороться больше, чтобы дать им эту жизнь? Я готов рискнуть, а вы? — посмотрел на неё в ожидании ответа. В её глазах отчётливо читалась борьба. Она потеряла медальон, глядя немигающим взглядом в сторону родителей.

— Не люблю рисковать в таких ситуациях, тем более с маленькими детьми. — Совсем тихо произносит она.

— А я и не говорю подойти к этой операции неподготовленными, ты изучишь этот вопрос, соберём комитет по этике и мы все обсудим еще раз. Ладно?

Она молча кивнула с облегченным вздохом. Мы направились обратно в палату на пути к которой нас перехватили

родители Мэтью.

— Доктор, а почему другие доктора не предлагали этот вид лечения? Насколько оно благоприятно в дальнейшем для ноги? Наш сын сможет ходить?

Я старался отвечать на вопросы медленно и конкретно, чтобы не было ложных надежд, но давая родителям мальчика возможность поверить в лучшее. Боковым зрением видел, как Лили улыбнулась и подошла к нашему маленькому пациенту, который прижимал к себе маленький паровозик.

— Эй, приятель, что это у тебя? Лили присела рядом с его кроватью.

— Парафозик.

— Он очень красивый, ты позволишь мне посмотреть его?

Взгляд Мэтью метнулся на родителей, потом на меня, и остановился на Лили. Переживая и сминая постель одной рукой, а другой прижимал к себе игрушку. Но через несколько мгновений, когда вернулся взглядом на Лили, сказал:

— Они шепчутся, я умираю, да?

— Нет, Мэтью, мы с доктором Бейкером поможем твоей ноге работать на полную мощность, чтобы ты смог бегать и прыгать, и играть в мяч со своими друзьями.

— У меня нет друзей, только он. Мальчик разжал маленькую ручку и показал игрушку. — Я не хочу операций, я боюсь.

— Ну, дружок, — она положила свою ладонь сверху его маленькой и продолжила. — Ты любишь паровозики? Зна-

чит ты любишь знать, как все устроено и из чего состоит, так ведь? Ты очень смыслённый. Он кивнул головой и взглянул на Лили голубыми глазками, которые уже наполнялись слезами. — Ма и па мне ничего не говорят, они только шепчутся.

— Не переживай, я все буду тебе рассказывать и говорить только правду, ты согласен? Она слегка улыбнулась.

— Честно?

— Обещаю, Мэтью.

Я старался отвечать родителям, но внутренне улыбался. Когда Лили вернулась к нам я сделал вид, что совсем ничего не заметил.

После обхода, оставалось совсем немного времени для подготовки. Лили повернулась и сказала:

— Я пойду посмотрю исследование, о котором вы говорили.

В её глазах горела надежда на то, что мы сможем спасти маленького ребенка, в ответ я только улыбнулся.

— Конечно. Будь готова.

Она быстро отвернулась и пошла быстрым шагом в сторону ординаторской, чтобы увидеть вкладку на общем ноутбуке на исследовании, который я оставил незакрытой сегодня рано утром перед обходом.

Я уже шел по направлению к операционным, когда снова увидел Майкла, который со всем энтузиазмом шел ко мне.

— Джеймс, не хочешь пропустить сегодня по бокальчику

в баре? Познакомимся поближе?

Я лишь фыркнул, но, чтобы не казаться последним козлом сказал:

— Зависит от исхода операции. — Я достал из кармана свою счастливую шапочку и завязал, чтобы спрятать выющиеся волосы.

— Ладно, ты подумай приятель. — он ушел, когда услышал звук своего пэйджера.

Приятель? Я тряхнул головой и пошел в предоперационную, через стекло увидел маленького мальчика, который лежал и растерянно смотрел по сторонам. Зайдя в операционную, я направился к Мэтью.

— Мэтью, все в порядке, не волнуйся, ты просто немного поспишь и совсем скоро увидишь своих маму и папу.

— Где тот доктор? — Спросил он смущенно.

— Лили скоро придет, — я попытался успокоить мальчика, — она будет рядом.

— НЕТ! — Мэтью вскинул руки. — Не хочу, не буду! — Он продолжал хныкать, а я не понимал, как его успокоить.

В этот момент в операционную вошла Лили.

— Нуу.. ты чего, приятель? Тебе страшно? — Он поджал маленькие губы, а в глазах стояли слёзы. — Тише-тише. Все хорошо. — Голос Лили звучал тихо, успокаивающе. — Ты видишь эту большую маску? Она не должна тебя пугать, через нее ты просто подышишь волшебной пылью, чтобы видеть сны о своем поезде, и плыть по воздушным облачкам.

Видишь? — Она приложила маску к своему лицу и сделала вид, что вдыхает. Я уже выходил из операционной, чтобы начать обработку рук, но остановился и начал прислушиваться к голосу Лили. — Это совсем не больно. Подышишь ради меня?

Мальчик кивнул не разрывая зрительный контакт с Лили. Она погладила его маленькую ручку, наклонилась и что-то прошептала. Мэтью улыбнулся и тут же начал считать. Она выглядела довольной и... умиротворенной? Мне почему-то захотелось узнать есть ли у неё дети. Она зашла в предоперационную, взяла маску и начала завязывать её на затылке. Её взгляд изменился как только столкнулся со мной. — У тебя есть опыт с детьми? — голос Лили прозвучал резко.

— Не нужно много ума, чтобы понять, что маленькому ребенку страшно, тем более, когда родители все скрывают. С ним просто нужно разговаривать. — Лили включила кран и начала намыливать руки, смотря через окно в операционную.

Я молча обрабатывал руки, пытаясь выкинуть из головы все мысли об этой упрямой женщине. Привязанность мне совершенно ни к чему.

Через пару часов операции, которую мы успешно закончили, я был невероятно воодушевлен. Мы справились! В какой-то момент я почти согласился пойти выпить с Майклом, но вовремя сдержал этот порыв. Во время операции я старался не смотреть на Лили, лишь редко давал указания и су-

хо отвечал на вопросы. Поблагодарив всех присутствующих, как делал всегда, заметил, что Лили не спешит уходить и выглядит какой-то встревоженной.

— Доктор Рид, можем пойти к родителям и сказать, что операция прошла успешно.

— Вы сообщить им сами, доктор Бейкер, я пока останусь тут и провожу его в послеоперационную. Все в порядке.

— Ладно. — Я захватил историю болезни и направился к родителям. Совсем скоро они смогут увидеть сына. Я любил такие дни, когда видел это облегчение в глазах. Она давала мне надежду на то, что этот день прожит не просто так, потрачено впустую, я боролся до конца. Через час подошел к палате, где родители Мэтью ждали пробуждения своего малыша, аккуратно поглаживая его маленькую ручку.

— Он долго еще будет спать? — спросил отец мальчика.

— Еще совсем немного, — Я подошел ближе и чтобы послушать сердцебиение и сатурацию. — Мамаа... — хрипло потянул Мэтью.

Я услышал тихий женский всхлип. — Малыш! — она взяла в ладони лицо мальчика и поцеловала. — Как ты себя чувствуешь?

— Хочется еще увидеть облачка. — потянул Мэтью и тяжело открыл глаза.

Родители переглянулись, посмотрели на меня, а я лишь усмехнулся.

«Это все она»

Глава 8 Лили

Через пару дней, я уже старалась поставить маленького Мэтью на ноги, чему очень радовалась. В груди разлилось чувство гордости за крохотную победу в таком большом деле. Я переговорила с его родителями, которые выполнили очень много работы над ошибками. Теперь между ними ни осталось ни одного секрета. Всегда бы так заканчивалась каждая история. Жаль, что хэппи-эндов не так много. Но если и это не заставит сердце трепетать, то ты уже фактически уничтожен.

Дальше я заполнила показатели в листе назначений, вышла из палаты и увидела Эмили, которая уже шла мне навстречу.

— А я вижу эту улыбочку на твоём лице, не связано ли это с «доктором-ненавистью-секси»? — Она показала кавычки в воздухе и улыбнулась своими карими глазами.

— Скорее с парнишкой с пухлыми щечками и очаровательным паровозиком, которому мы дали шанс. — Я перевела на нее взгляд, идя вместе с ней к ресепшену. — Бейкер со мной мало общается, что очень радует, но он действительно профи и у него действительно есть чему поучиться.

— Оох, может он и меня чему-нибудь научит... — Она спиной оперлась на край ресепшена и потянулась, перекидывая свои волосы на одну сторону, обнажая шею. Я нахму-

рилась и кинула раздраженный взгляд.

— Ну- ну, желаю удачи.

— Говоришь, что он тебе не нравится. — Усмехнулась она. — А выглядит совсем иначе. — Она пальцем обвела мое лицо.

— Брось Эмили, ты же помнишь, как мы совсем недавно цапались. Он просто учит меня и все. — Я старалась говорить, как можно тверже, потому что в последнее время Джеймс и правда стал меньше огрызаться на меня. Порой очень хмурился и что-то бубнил, но я старалась не переспрашивать, а больше наблюдать. В целом, меня это устраивало. Но я всегда была настороже, чтобы дать отпор.

— Может выпьем сегодня? У тебя вроде как немного операций. А у меня только послеоперационные сегодня. — Эмили развернулась теперь и смотрела на меня вопросительным взглядом.

Когда я уже хотела ответить запищал пейджер с вызовом в приемное.

— Черт, я же сегодня не дежурю в приемном, там же Джинни. — Тут же запищал пейджер и у Эмили.

— Наверное что-то крупное, раз всех вызвали. Обожаю эту работу.

Мы уже подходили к приемному отделению, когда увидели суету, которая окружала всех вокруг. В отделении царил суматоха: пока одни медики спешили с лекарствами, другие уже обрабатывали раны, а скорые непрерывно подвозили новых пациентов, на ходу докладывая об их состоянии.

Мы распахнули дверь и все мое внимание переключилось на Бейкера, который жестами и своим твердым голосом управлял этим хаосом. Он выглядел таким сосредоточенным, будто его совсем не пугало все то, что происходило. Будто находился в своей стихии, где он вожак стаи, который не может позволить своим людям потеряться или сомневаться в том, что это не так. Я почувствовала, как по телу прошел электрический разряд. Не понимаю, как это может не впечатлять.

— Рид, Ланг, одевайтесь живее, у нас куча обожженных пожарных. — сказала Пирс, когда увидела нас, вырывая меня из мыслей.

— Ммм... горячие пожарные, это что-то новенькое. — Надевая одноразовый халат, усмехнулась Эмили.

— Ланг ты во вторую, Рид в третью. — Скомандовала Пирс с планшеткой в руке, где написано распределение пострадавших.

Когда я зашла в смотровую, услышала рёв пациента.

— Вот тебе и жаркие парни. — Сказала почти шепотом.

Когда оглянулась, я увидела молодого парня лет 22, у которого была припаяна кофта к коже руки и Оливия старалась медленно отделить ткани от пораженных участков. У нее тряслись руки от воя и запаха жаренной кожи. Да. Пожалуй, к этому привыкаешь не сразу.

— Отойди Оливия. — Я отодвинула ее. — Добавьте морфина, принесите растворы для омывания тканей и антибиотики внутривенно. — надела перчатки и начала осмотр поражен-

ных участков. — Я доктор Лили Рид. Что произошло с вашей бригадой?

— Ох... это я во всем виноват, послушался командира и полез на рожон, когда услышал крики женщины внутри дома. Все так полыхало... Ай — Он всхлипнул, когда я начала обрабатывать кожу. — Потом... потом упала балка со второго этажа прямо на меня, когда я пытался — мужчина учащенно дышал. — пытался вытащить её.

— Ты настоящий герой. — Не смотря ему в глаза, ответила я.

— Но я подставил других ребят, которые остались там, потому что... Боже, вы можете узнать как там Рик и другие парни? — Он посмотрел на меня своими голубыми глазами, пытаясь сдерживать подступающие слезы .

— Конечно. Оливия иди глянь как там парни и скажи нам. — Я перевела взгляд на пациента. — Как тебя зовут?

— Остин.

— Остин, ты молодец, ты пошел по зову долга, не волнуйся, надеюсь ребята тебя простят, потому что, я уверена, каждый из них хоть раз был в подобной ситуации.

Он только молча кивнул и поджал губы. В смотровую ворвался Бейкер, и аура внутри мгновенно поменялась, будто он заполнял собой весь воздух или же высасывал его из моих легких, я еще не успела в этом определиться. Моя спина тут же напряглась, а руки задрожали. Он приблизился ко мне и начал осматривать пациента. От него веяло жаром и без того

зажаренной в прямом смысле комнате.

— Что тут у тебя? – Резким тоном сказал он.

— Все под контролем.

«Ага, как же»

Он взглянул на пациента и убрал с ткань, которая закрывала живот. Я посмотрела и увидела большие кровоподтеки и ссадины.

— И это ты называешь контролем, Рид? Какого черта? – Он почти кричал, а я все больше вжималась в стул. Лицо Остина исказила гримаса боли.

— Не стоит кричать док, это просто ссадины, ничего серьезного.

Бейкер начал исследовать руками живот, и когда увидел, как Остин корчится от боли, перевел на меня взгляд полный ярости.

— Рид, в чем дело? Немедленно сделайте узи на месте. Я почти подпрыгнула. Понимая свою ошибку, быстро подкатила портативный аппарат диагностики, налила немного геля на брюшную стенку и поставила датчик на нижний его отдел. Мои брови взлетели вверх, когда я поняла, сколько жидкости в брюшной полости. Видимо из-за адреналина Остин не чувствовал боли от кровопотери и разрыва органа, но я понимала, нужно срочно вести его в операционную.

Боже.

Очередная ошибка перед Бейкером. Он же не упустит возможности меня подколоть или задеть. Ненавижу себя. Я от-

дала распоряжение медперсоналу о транспортировке.

— Вызовите пластического⁵ и общего хирурга, мне в помощь. В следующий момент Бейкер вошел в смотровую и кинул на меня вопросительный взгляд.

— Да, у него свободная жидкость в животе, я уже дала команду, чтобы вызвали хирурга и пластику. — Я старалась говорить как можно тверже.

— Какая жалость, что команды здесь отдаю я. Я буду ассистировать. — Он старался не смотреть мне в глаза, но даже так, всем телом я чувствовала напряжение между нами.

Ладно. Препираться не было времени, мы как можно скорее направлялись в операционную, чтобы спасти жизнь, которая пыталась так же как и мы спасти чужую. Парадокс? Возможно. Но такая уж работа.

Я краем глаза наблюдала за Бейкером. Сегодня он был в скверном настроении, хуже, чем последнее время. Он напоминал бушующее море, с огромными волнами, и с еще большей глубиной, в которой я потеряла бы саму себя. Но сейчас, обрабатывая руки, я чувствовала себя невероятно спокойной рядом с ним. Он сеял страх, чтобы запугать всех вокруг, но в этом чувствовалась сила духа, которая помогала мне ощутить спокойствие.

— Ты уже все? — Его низкий голос вывел меня из транса.

Я встрепенулась и кивнула, следуя за ним, и поражаясь,

⁵ (прим. автора: пластический хирург занимается ожогами и пересадкой кожи в случае необходимости)

тому как его энергия действует на меня. Пациент уже был под наркозом, когда Бейкер перевел взгляд на анестезиолога, чтобы мы начали операцию.

— Скальпель! — Медсестра вложила инструмент в руку Бейкера. После изучения операционного поля и изрядной работы отсосом мы увидели, как разmozжена печень и что ее придется собирать по кускам.

— Нужна кровь вторая положительная и фактор семь. — Не отвлекаясь от операции, произнесла я, когда почувствовала на себе взгляд Бейкера. Я посмотрела на Джеймса и увидела одобрение в его глазах, всего одно мгновение, но он будто одернул себя, и молча продолжил работу. Во время операции мы были единой командой, старались не мешать друг друга и угадывать наперед каждое действия. Лишь изредка Бейкер останавливал меня, во время перевязки кровоточащих сосудов, чтобы я не сдавливала слишком сильно.

Бах.

Я услышала резкий шум. Сердце пропустило удар. Повернувшись, увидела только неуклюжего интерна, который принес кровь и уронил подставку. Взгляд его испуганный глаз устремился прямоком на Бейкера. Я резко повернулась, руки Джеймса обхватывали пациента, он навис над ним всем телом, тяжело дышал. Его зрачки были расширены, а вена на шеи пульсировала. Я застыла, смотря на Бейкера, не зная, что делать дальше.

— А ну прочь из операционной, неуклюжий ты человек!

– Рывкнула я. Джеймс, встрепнулся, наконец поняв, что ему и пациенту ничего не угрожает. Он окинул взглядом операционную, и остановился на мне.

— Кхм... Мы тут закончили, осталось только...

— Да, тут я справлюсь сама, осталось немного, вы не понадобитесь. – тревожным голосом сказала я. – Наверно в приемном вы нужнее, чем тут.

— Хорошо. – отрезал он, резкими движениями снял халат и вышел из операционной. Краем глаза я увидела, как он обхватил лицо руками и поправлял шапочку, как будто пытался прийти в себя, а через секунду резким толчком ударил дверь, чтобы выйти. Я была в недоумении, как и весь персонал бригады. Все просто молча переглядывались и уставились на меня.

— Продолжим работу, – подытожила я, чтобы не давать всем возможность для разговоров и комментариев.

Я защищала его? Возможно. Кто-то вроде говорил, что он военный врач. Может эта реакция засела прямиком в его подсознании. Пытаться защитить пациентов любой ценой.

Примерно через час я закончила с Остином и вышла в приемное отделение, чтобы найти Бейкера. Его там не было. Я перехватила проходящую Джинни за руку.

— Эй, не видела Бейкера? – Она вздрогнула, ее глаза поблекли, а вокруг залегли тени – след накопившиеся усталости. Она поправила выбившуюся прядь золотистых волос и ответила.

м Он был тут минут 30 назад, дальше я его не видела.

Хорошо. Это подождёт. Может он застрял на очередной операции. Я осмотрелась еще раз, чтобы понять, где нужна моя помощь. Мне нравилось, что в последнее время я стала немного увереннее. Взяв одну из планшеток, тут же пошла помогать с растяжениями, болями в животе, и еще кучу всего, чтобы отвлечься от мыслей о ситуации в операционной.

Я и не заметила, как прошёл день. Настал конец смены, когда боль в ногах и спине кажется нестерпимой. Она давала о себе знать только тогда, когда ты уже перевел дух среди всех пациентов. На смене организм будто замирал, органы чувств притуплялись и в момент забывал о голоде, сне, и проблемах, заполняя пустоту чужими бедами. Это помогало забыться, но лишь на какое-то время.

Я зашла в ординаторскую и почти с закрытыми глазами дошла до своего шкафчика. Оперлась на него и потянулась, чтобы немного размять лопатки. Сзади слышались шаги.

— Ох... трудный день, как ты? – Голос Эмили прозвучал совсем рядом.

— Предложение выпить все еще в силе? – я повернула голову в её сторону.

— Пожалуй, – с усмешкой сказала она.

В скором времени мы уже ковыляли к лифтам. Через минуту к нам подошла Джинни, и мы выстроились почти в ряд.

— Божее... Ну и денёк, эти пожарные меня измотали. И Бейкер сегодня орал почти на всех, теперь я понимаю, по-

чему ты считаешь его козлом... — смотря напрямик в стену, сказала Джинни.

— Так ты же сказала, что он ушел.

— Так он то приходил, то пропадал. Лучше бы пропадал, а то, когда приходил только и знал, что орать. Вы домой?

— Нет, мы в бар, хочешь с нами?— Да, я бы пропустила по стаканчику, — посмотрев на часы ответила Джинни.

— Отлично.

Мы вышли когда солнце почти зашло за горизонт, а небо окрасилось в яркие оттенки оранжевого. На лице тут же расплылась улыбка, меня всегда завораживал этот вид. Дул прохладный весенний ветерок, остужая горячую кожу после рабочего дня. Мы с девочками много болтали о минувшем дне обсуждали случаи и операции, которые сегодня проводили. Я старалась не говорить о той, в которой участвовала, рассказывая лишь то, что не касались Джеймса и его реакции, которая меня беспокоила. Надеюсь завтра Бейкер будет в лучшей форме. Странно, что мои мысли возвращались к нему.

Мы подошли к бару, в котором отдыхали совсем недавно. Внутри как всегда было шумно. Мой взгляд тут же метнулся к бильярдным столам, и я вспомнила Итана. Так ему и не позвонила. Попросив девочек заказать пиво, отошла в уборную, чтобы найти бумажку с номером. На первый взгляд её не было, пришлось сбросить в раковину все содержимое, чтобы перебрать еще раз. Но чертовой бумаги не было, заки-

дывая руку за шею, я посмотрела в зеркало. Куда же она могла деться? Я закусила губу и после недолгих усилий вспомнила, как обронила сумку после встречи с Бейкером.

Чёрт.

Вот растяпа. Выругавшись себе под нос, с раздражением начала запихивать все барахло обратно в сумку. Помыла руки, ощущая прохладу воды и вышла к подругам. Они уже яро что-то обсуждали, и не могли договориться. Я лишь усмехнулась. Мы вечно общались на повышенных тонах, многих людей, это пугало, но для нас это был повод в очередной раз проверить свои знания и докопаться до истины. Я села и уложила свою сумку рядом.

— Джинни, детка, поверь мне, я уже неоднократно делала эту операцию, и ты говоришь не о том доступе, – Сквозь зубы говорила Эмили.

— Нет, в европейских рекомендациях написано по - другому.

Я поднесла стакан к губам, чтобы не вступать в очередную перепалку, сделала глоток и почувствовала, как пиво разливается по моему пустому желудку. Боже, я такая голодная.

— Девчонки, вы не хотите что-то заказать?

— Только не жаренное мясо, – проговорила Джинни, – А то с этими пожарными люля-кебабов мне достаточно.

Я прыснула. А потом мы засмеялись вместе, только чёрный юмор и спасал в таких ситуациях. Я заказала сэндвич, в баре был небольшой выбор еды, но мой желудок неска-

занно радовался хоть чему-то. Я мазнула взглядом по залу. Джеймс, сидел поодаль от нас со стаканом коричневой жидкости, который задумчиво крутил в руках. Казалось, он ничего не замечал, как вдруг поднял взгляд на меня. Его глаза вспыхнули. Мой живот скрутило тугим узлом в ответ на этот взгляд. Но я продолжала смотреть. Он поднес стакан к губам и не поморщившись, залпом опустошил его, будто не чувствовал обжигающей горечи. Поднимаясь, он достал деньги из кармана и кинул на стол.

Ну уж нет. Я хотела узнать в порядке ли он, но Джеймс будто хотел ускользнуть от меня. Интересно, долго ли он наблюдал за нами и как продолжительно там находился?

— Девочки, я сейчас подойду, — не дождавшись их ответа, я направилась напрямиком к Бейкеру.

Он шел довольно быстро, я догнала его уже при выходе из бара.

— Доктор Бейкер, подождите! — Он резко затормозил, но оборачиваться не торопился, — Я лишь хотела узнать, как вы, — с небольшой одышкой протороторила я.

— Не твое дело, Рид. — Резко бросил он.

Я отмахнулась как от удара, не понимая, почему он так со мной разговаривает.

— Простите, я лишь хотела...

— Чего? Чего ты хотела? — Он шагнул вперед, и я отступила. Глаза его гневно сверкали, не смотря на темное время суток. Под таким напором я не знала, что ответить. Он

продолжал осматривать моё лицо и в последний момент задержался на губах. В горле пересохло. Вся моя энергия будто перетекла в Джеймса, я почувствовала слабость в ногах. Пульсирующая тишина разрывала на части, оставляя лишь множество осколков, которые невозможно поймать. Моя душа трепетала, требуя хотя бы немного воздуха взамен.

Через несколько секунд он снова посмотрел в мои глаза и не дождавшись ответа просто ушел прочь. Я осталась стоять, не понимая, что произошло.

Я встряхнула головой. Переводя дыхание на прежний лад, повернулась в сторону, куда направился Джеймс, но его уже нигде не было видно. Что это было? Я вернулась в бар, вся погруженная в свои мысли, залпом допила остаток пива и обратилась к девочкам.

— Мне пора, — я порылась в сумке и положила деньги на барную стойку.

— Нуу... — Протянула Эмили, — Ты, собственно, где была? Все в порядке? — Она увидела мое настроение, в её глазах читалась тревога. Я молча кивнула.

— Просто устала, пойду. Вы доберетесь домой?

— Да, конечно. — Ответила Джинни и Эмили. Я обняла их на прощания. Хотя на улице было не так холодно, меня била дрожь. Тревожные мысли пугали. Поведение Бейкера, его ярость и отстраненность в моменте. Я ведь только хотела узнать, в порядке ли он. Почему меня вообще это должно волновать? Хочет вести себя как придурок, пожалуйста. Мне

хватает своих проблем, чтобы погружаться ещё и в чужие.

Глава 9 Джеймс

3 месяца назад. 13 Февраля 2008г

Жара висела над нами горячим гнётом, словно невидимая плёнка.

Мы перебазировались чуть южнее, солнце стало невыносимее: свет отражался от песков, как от зеркальной глади, и порой я ловил себя на мысли, что попросту растворяюсь в этом бессмысленном блеске. Бесконечный пейзаж, где менялась только величина дюн, напоминая лабиринт: стенами служили барханы, а выход из него ускользал при каждом шаге. А эти лабиринты, где разнилась только высота этих стен, а мы все надеялись и шли... шли все дальше и дальше.

Я и Джон по локоть были в крови, когда в очередной раз принимали повтупивших. Их тела приносили к нам, израненные осколками и обгоревшие от взрывов — физически целыми, но изнутри разорванными. Шелест бинтов и стук ударов сердца — это всё, что окружало меня сейчас. В нашей «операционной» — старой палатке, освещенной тусклыми лампочками, не хватало ни рук, ни средств. Мы выхватили из складов лишь самое необходимое: жгуты, несколько скальпелей, стерильные пинцеты. Со всем остальным приходилось импровизировать.

— Давай жгут... живее! — мой голос прозвучал откуда-то из глубины, будто через толстую завесу дыма.

Я не чувствовал усталости, лишь глухую непреклонность в своих пальцах. Джон подал жгут, пот со лба струями стекал, в каждом движении читалась бесконечная усталость. Я зажал руку нашего пациента, вцепившись ногтями в плоть, плечи горели огнём от напряжения. Кровь брызнула, и всё вокруг мигом окрасилось багровым цветом.

— Осторожнее, Джон, не дави так сильно, — прохрипел я сквозь сжатые зубы, но сам понимал, как мало это значит.

— Хватит командовать, красавчик, — он усмехнулся и продолжил шить мышцы, будто сомкнутые края раны могли подружиться от его иронии.

В этот момент заглох мотор за пределами палатки: наш водитель вбежал, лицо его было искажено тревогой.

— Ребята, по рации сказали: везут ещё. Другую группу обстреляли, — он задыхался, — они не могут забрать остатки.

Мы с Джоном поймали друг друга взглядом и одновременно поняли: отдых нам не светит. Часы и дни мерили не в секундах, а в человеческих жизнях, которым мы пытались дать шанс. Каждый раз, когда кто-то смотрел на нас умоляющим взглядом, демонстрировал фотографию жены или улыбку ребёнка, я читал в этих кадрах не просто портреты, а причину не опускать руки. Я обещал каждому из этих парней, что найду слова их родным, даже если они уйдут немymi навсегда.

Ноги дрожали, когда я, наконец, рухнул на старый раскладной стул. Веки отказывались держаться, пальцы едва

гнулись после долгого операционного дня. Джон с трудом сел рядом и отпил воды, глотки раздавались гулом в тишине.

— Выглядишь ужасно, — сухо заметил он, поддразнивая меня.

— Думаешь? Лучше, чем ты, придурок... только и мешал мне — я схватился за халат, пытаюсь придать себе больше твёрдости.

— Да, но ты воняешь хуже, чем я, — усмехнулся он, но в глазах его мелькнула тоска.

Мы рассмеялись, в этом истеричном хохоте цвел дух выживания: так легче было отбросить груз боли и усталости.

Джон снял халат, закинул инструменты на стол, а я задумчиво вглядывался в пластиковые канистры с дренажом от пострадавших, пытаюсь оценить объём потерь. Вдруг что-то привлекло моё внимание: Джон достал из кармана испачканную карточку. Его грубые пальцы дрожали, когда он поднёс фото ребёнка к губам. Я ничего не сказал — в его глазах читалась тихая молитва, несказанная любовь к сыну, чьи глаза и светлые волосы были точной копией отцовских. Его жену Джейн я знал с самого детства, потому что мы жили на одной улице, а потом в средней школе она познакомилась с Джоном, моим лучшим другом и с тех пор мы тусовались вместе. Нашу компашку называли «компания 3D» с самой юности. Даже не знаю, кто придумал эту чушь, но мы держались друг друга, сколько я себя помню.

Я наклонился над дренажом, когда позади раздались тя-

жёлтые шаги. Обернулся и увидел Джона. Окровавленный, он зажимал ладонью шею, пытаясь остановить фонтанирующую кровь. Его лицо исказила боль, губы шевелились в хриплой попытке позвать меня.

Мои руки замерли, а потом судорожно схватил марлю. Я слышал, как сердце Джона билось будто в последний раз, и каждая капля жизни стекала по моим рукам в жгучем потоке. Я до предела напрягся, пытаясь спасти друга, но видел, как жизнь медленно угасает. И вдруг он издал слабый, но четкий шёпот:

— Помоги мне...

Наши дни

Я проснулся от сдавленного крика. На тумбе не прекращал звонить телефон, который вырвал меня из очередного кошмара, которым не было конца. Я глубоко дышал но это слабо помогало унять учащенное сердцебиение. Я скинул простынь и поставил ноги на прохладный пол, взял лицо в руки, убирая влажные пряди. Черт подери, кому еще я нужен в такую рань? Подошел к тумбочке и со всей злостью взял мобильный. На экране светилось простое слово “мама”.

«Не сейчас»

И перевел звонок на голосовую почту. С того момента, как вернулся прошло несколько месяцев, а моя мать так и не знала, что я был демобилизован. На сколько это было хорошо? Не знаю, но я не был готов вернуться. Мы общались

один раз в неделю. Но она звонила почти каждый день, пытаясь понять жив ли я, а я не знал так ли это.

Я подошел к окну и, открывая его, осмотрелся. Такое ясное небо, еще прохладное утро, где ветер окутывал еще не разогретым одеялом. О таком раньше можно было только мечтать. Перевел взгляд на часы на прикроватной тумбочке. Понимая, что уже не усну я начал отжиматься и качать пресс для того, чтобы попробовать отбросить мысли о кошмаре. Разные отрезки, воспоминания не давали покоя. Я пошел в холодный душ. Горячая кожа покалывала, но онемение, не помогало очистить разум. Никогда не мог понять, как люди могут смыть плохой день. Чувствую себя собакой.

Как только я вышел, оборачивая полотенце вокруг ног, снова услышал телефонный звонок. На этот раз звонил брат. Выругавшись, ответил.

— Привет, как ты? – Пытаясь натянуть улыбку, проговорил я.

— Привет Джей... Я в норме, давно не получал твоих звонков. Ты не отвечаешь, – тревожно ответил мне он.

— Вышел на работу как ты и хотел, вот и стал занят, – раздраженно парировал я.

— Не кипятись, просто волнуюсь и хочу знать, что ты в порядке.

— Да... понимаю. Мама звонила, она в норме?

— Я за ней приглядываю. Она волнуется, Джей, ей стоит позвонить, – неуверенно ответил он.

— Да, хорошо, но мне пора, пока, — я повесил трубку.

Я и так это понимал. Вроде жизнь начинала налаживаться, и я чувствовал, что мне становится немного легче, но что-то снова отбрасывало назад. Еще и Лили со своими расспросами, а её глаза. Почему-то при взгляде на меня в них плескалась тревога. Я не мог бороться с этим взглядом. Казалось, в нем можно было найти успокоение. Тем не менее, я не мог себе это позволить, просто не мог.

Еще раз проверив время, оделся в джинсы, черную футболку, накинул пиджак и вышел на воздух. Яркое солнце моментально ослепило меня и я быстро зажмурился. Его лучи приятно согревали кожу. Совсем не похоже на то, что было в Ираке. Это солнце не такое липкое и знойное, более мягкое что ли. Я встрепенулся, понимая, как странно это выглядит со стороны и направился к машине, чтобы поехать к больнице. Время еще совсем раннее, но в четырех стенах я сидеть больше не смог бы. С пациентами можно было забыться. Это помогало. Но лишь на мгновение.

Когда я подъехал, воздух немного нагрелся и стало жарко. Я поставил машину в тени, вышел и увидел свою зеленоглазую знакомую, о которой думал совсем недавно. Лили стояла у серого форда и с яростным видом копошилась в сумке, тихо ругаясь себе под нос. Я замер, наблюдая за ней. Лили задержала взгляд на левой руке, в которой удерживала сумку и ключи. Она тихо выругалась и прекратила свои поиски. Я усмехнулся и закрыл машину. Лили обернулась на шум.

Её губы поджались, а взгляд нахмурился. Пряди каштановых волос выбивались из небрежной косы, нежно обрамляя лицо. Я не мог винить её, но несмотря на мою грубость, она не отрывала взгляд от меня.

Я кивнул Лили и развернулся, собираясь уйти. В тот же момент позади раздались торопливые, несмелые шаги.

— Доктор Бейкер, подождите, – её голос дрожал от учащенного дыхания. Я обернулся, и передо мной, как лучик в тусклом коридоре, мелькнула Лили. — Простите за вчерашнее... Я не хочу, чтобы между нами было недопонимание. Я... я не хотела быть навязчивой, просто...

Её глаза блестели, когда она говорила. Голос звучал неровно и как-то тихо. Весенний воздух пах почти по летнему, в нем отчетливо ощущались запах цветущих деревьев и наступающего зноя.

Я резко остановился, обернулся к ней в пол-оборота и ответил самым холодным тоном, на который был способен.

— Я вообще о вас не думаю, доктор Рид. — Пауза тянулась дольше, чем рассчитывал. – Мне всё равно, что вы думаете или чувствуете.

Её щеки вспыхнули, лёгкая дрожь прокатилась по плечам. Лили подняла голову, чтобы посмотреть на меня. Зелёные глаза с золотистыми искрами блестели от волнения, а на носу заиграли веснушки, когда она нахмурилась. Я замер.

— Тогда почему, если вам всё равно... – её голос об-

рел стальной оттенок, – вы разговариваете так унизительно с тем, кто искренне беспокоится о вас?

Она шагнула вперед и толкнула меня в плечо. Движение было лёгким, но оставило огненный след. В этот момент, холодный фасад, который я так тщательно выстраивал треснул. Лили поправила сумку, перекинутую через плечо, и прошла мимо меня, рассекая воздух тихим гневом.

— Чёрт, – вырвалось с выдохом.

Я стоял, слушая, как её шаги затихают за поворотом. Пиджак вдруг показался слишком тяжёлым, а слова – неуместными. Я хотел напугать её, оттолкнуть, удержать на дистанции. Но в ответе на её отказ почувствовал странную дрожь: что-то внутри щемило от едва уловимого сожаления.

Она ушла, и я услышал отголосок собственного дисбаланса, когда пытался оправдаться перед пустотой. Сегодня мы с ней не должны были пересекаться: я откладывал наши встречи до конца недели, дав возможность другому ординатору поработать со мной.

Утренняя планерка прошла почти штатно, было много разборов клинических случаев, комментариев, будничных унижений, куда же без них. На противоположной стороне конференц-зала докладывала Лили о проделанной работе с пожарными и скорой выписке маленького мальчика. Она говорила твердо и уверенно, специально избегая меня взглядом. Почему я так упорно смотрел на нее? Из мыслей меня вырвал Эдвард.

— Вам есть что добавить, Бейкер?

— Нет — , мускул на лице немного дрогнул.

Эдвард окинул на меня странным взглядом.

— Что ж, тогда все за работу.

Я уже развернулся в сторону выхода, чтобы раздобыть немного кофеина, как меня догнал молодой доктор с темными волосами и голубыми глазами.

— Доктор Бейкер, я Алекс Чен, сегодня буду с вами работать и надеюсь что-то почерпнуть. Он говорил как студент, старательно заучивший свой ответ. В его глазах читалась робкая надежда, будто он ждал от меня похвалы за свое рвение. Я не обернулся, продолжая перебирать карты, и отрезал:

— Алекс... принеси мне кофе. Чёрный. Без сахара.

Его лицо на долю секунды исказилось, я чувствовало его присутствие еще некоторое время. Не выдержав, он вышел из комнаты, будто спасая своё достоинство. Я взглянул на его удаляющуюся спину, и в груди застряло приятное чувство — ненавижу подхалимов, которые в страхе и лести пытаются выцепить чьё-то одобрение.

Через пару минут, когда я внёс все правки в истории и графики, услышал шепот молодых медсестёр в дальнем углу: их глаза охотились за мной, будто за лакомым кусочком из их фантазий. Позади раздался громкий смех Майкла, он шагнул ко мне, и опёрся ладонями о стойку, играя взглядом.

— Привет, Бейкер. Предложение всё ещё в силе. После смены не хочешь составить нам компанию?

Я пробубнил:

— Нет, спасибо, Майкл.

Он фыркнул и сделал шаг назад. Мои ноздри уловили знакомый запах — лёгкий, чистый, словно букет белых цветов, смешанный с травяным чаем. Сначала я попытался отмахнуться от него, сжал ручку так, что пальцы побелели, но запах стал лишь сильнее.

Взгляд сам скользнул за спину Майка, и я увидел её: Лили шла к нам по коридору, расправив плечи. Она запнулась на пороге регистрационной, но тут же выровняла шаг и остановилась рядом.

— Лили, привет, — Майкл повернулся к ней с хитроватой улыбкой, — мы тут с доктором Бейкером как раз обсуждали планы на вечер. Не хочешь присоединиться?

Я ощутил, как кровь стучит в висках. Лёгкий холодок пробежал по позвоночнику, и я снова сжал ручку. Лили ответила вежливой улыбкой и перевела взгляд на меня. Её губы тут же сжались в тонкую линию, а нос презрительно сморщился.

— Спасибо, но нет, — мягко ответила Лили, поправляя кулон на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.